

РОВЕСНИК

8
1980

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Август, 1980 год, № 8*

«ЭТА ВЕЧНО МОЛОДАЯ БОЕВАЯ ЗАБАСТОВКА»
и другие материалы о классовых битвах пролетариата в странах капитала — репортажи советских и иностранных журналистов

На первой странице обложки: «Артек» — образцовая модель детства, предложенная человечеству социализмом. Так должно быть устроено оно на всей планете: защищенное от горя и бед, несправедливости и неравенства, открывающее дорогу к жизни достойной и честной, неравнодушной к горю и бедам, непримиримой к несправедливости и неравенству.

Фото В. КАТАНОВА

4. СМОТРИТЕ: АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ
6. **Н. Чугунова.** «ОБСТАНОВКА В ПРОВИНЦИИ НОРМАЛИЗУЕТСЯ...»
9. **Б. Ильин.** ЭТА ВЕЧНО МОЛОДАЯ БОЕВАЯ ЗАБАСТОВКА
13. **Энцо Рава.** НА САМОМ КРАЮ КАПИТАЛА...
16. **Иэн Джек.** РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ
19. **Евгений Бовкун.** ХРОНИКА ОДНОЙ СТАЧКИ
22. **Арвид Рундберг.** «ЛЕСНЫЕ БУНТАРИ»
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. ЯПОНИЯ: ЖИВОПИСЬ, ПОЭЗИЯ, ПРОЗА
Кора Румико. Сайто Фуми. СТИХИ
Хоси Синъити. НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ФИРМЫ, ЗАТОВАРИВАНИЕ, ДАЛЕКО ИДУЩИЕ ПЛАНЫ. РАССКАЗЫ
30. **Доналд Бартелм.** КАК Я ПИШУ ПЕСНИ

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 16.06.80. Подп. к печ. 22.07.80. А01271. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 908.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ПОКОЛЕНИЕ РАЗРЯДКИ

А. ФИЛИППОВ,
заместитель председателя КМО СССР

1 августа 1975 года... Эта дата отстоит от нас не так далеко, однако прошедшие пять лет мы с полным основанием можем назвать одним из наиболее важных периодов в развитии послевоенной истории нашего континента. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе явился своего рода водоразделом, определившим переход от политики конфронтации к политике доверия и взаимопонимания, к политике разрядки напряженности.

Эта политика, нашедшая свое конкретное воплощение во всех сферах взаимоотношений государств с различными социально-политическими системами, в последнее время подвергается яростным нападкам со стороны империалистических кругов, и прежде всего США, что является ответной реакцией на успехи сил мира и прогресса во второй половине 70-х годов. Однако широкие круги мировой общественности, видные государственные и политические лидеры вновь и вновь подтверждают свою приверженность политике разрядки.

Естественно, что в стороне от разрядки не могла стоять и не стояла европейская молодежь. Европейское молодежное и студенческое движение включилось в активную работу по перестройке международных отношений в духе взаимопонимания и политического реализма. Молодежные конференции в Венеции и Хельсинки, многочисленные двусторонние контакты организаций самых различных политических убеждений, расширение молодежного туризма — все это в начале прошедшего десятилетия помогало взломать лед «холодной войны», лучше понять своих сверстников за рубежом. Мы можем сегодня смело говорить о том, что разрядка стала делом практически всего европейского молодежного и студенческого движения.

Заключительный акт совещания, подписанный в Хельсинки, дал новый импульс развитию молодежного сотрудничества. И импульс этот определяется не количеством строк, посвященных в этом документе собственно молодежи, а всем его духом, его политическим содержанием, его гуманизмом. Молодежь увидела в процессе разрядки напряженности прочный фундамент мирного развития Европы, увидела реальную перспективу своего участия в строительстве принципиально новых межгосударственных отношений.

Сегодня, пять лет спустя, мы можем вполне определенно сказать о том, что процесс разрядки напряженности дал европейской молодежи и что, в свою очередь, ему дала молодежь.

Во-первых, это контакты между государствами в области вопросов, относящихся к безопасности в Европе, к миру и сотрудничеству, иными словами — вопросы политического взаимодействия. Молодежь, накопившая, как уже говорилось выше, определенный позитивный опыт общеевропейского сотрудничества в начале 70-х годов, сразу же после совещания резко активизировала свои контакты. Что касается Комитета молодежных организаций СССР, то количество партнерских организаций в некоторых европейских стра-

К ПЯТИЛЕТИЮ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АКТА СОВЕЩАНИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ



нах возросло вдвое, а в таких странах, как ФРГ, Финляндия, — втрое. И это процесс не только количественного, но и качественного роста.

Углубление содержания взаимоотношений молодежных организаций Европы позволило за годы после Хельсинки предпринять целый ряд важных совместных действий, в числе которых можно выделить Общеевропейскую встречу молодежи и студентов в Варшаве в 1976 году и Европейскую встречу молодежи и студентов за разоружение в 1978 году. Главной темой этих мероприятий, равно как и многих других, были вопросы борьбы за мир, разрядку и разоружение, активизации молодежи в политической жизни континента.

Четкость и последовательность позиций молодежи пользуется заслуженным уважением и среди государственных, правительственных органов, общественных организаций. Пожалуй, нельзя назвать ни одной важной встречи, конференции общеевропейского характера, где бы не были представлены молодежные организации. Вместе с тем можно смело говорить о сформировавшемся за последние пять-семь лет «поколении разрядки».

Очевидно, что подлинно мирное будущее Европейского континента возможно лишь в том случае, если разрядка политическая будет практически дополнена разрядкой военной. Между тем решения декабрьской сессии НАТО о размещении на территории Западной Европы новых видов ядерного оружия наносят военной и политической разрядке самый серьезный ущерб. Молодежь понимает это достаточно ясно — за период с декабря 1979 года по настоящее время более 20 миллионов юношей и девушек континента приняли участие в различных акциях протеста против размещения в Европе новых американских ракет.

В настоящее время полным ходом идет подготовка к Всемирному форуму молодежи и студентов за мир, разрядку и разоружение, который состоится 19—23 января 1981 года в Хельсинки.

И что примечательно: сознавая свою ответственность за судьбы Европы, молодежь не ограничивает свои заботы и интересы стенами «европейского дома». Энергично содействуя оздоровлению обстановки на своем континенте, она трудится не только для Европы, но и на благо всех народов, всей молодежи Земли.

Из года в год совершенствуются формы и содержание молодежного и студенческого сотрудничества, уровень которого сегодня потребовал создания соответствующей общеевропейской структуры, своего рода консультативного органа для координации совместных действий молодежи, который, безусловно, будет способствовать объединению усилий в деле претворения в жизнь всех договоренностей Заключительного акта. В настоящее время работа по созданию структуры вышла на финишную прямую: 14—15 октября в Будапеште состоится Учредительная консультативная встреча, и структура начнет функционировать.

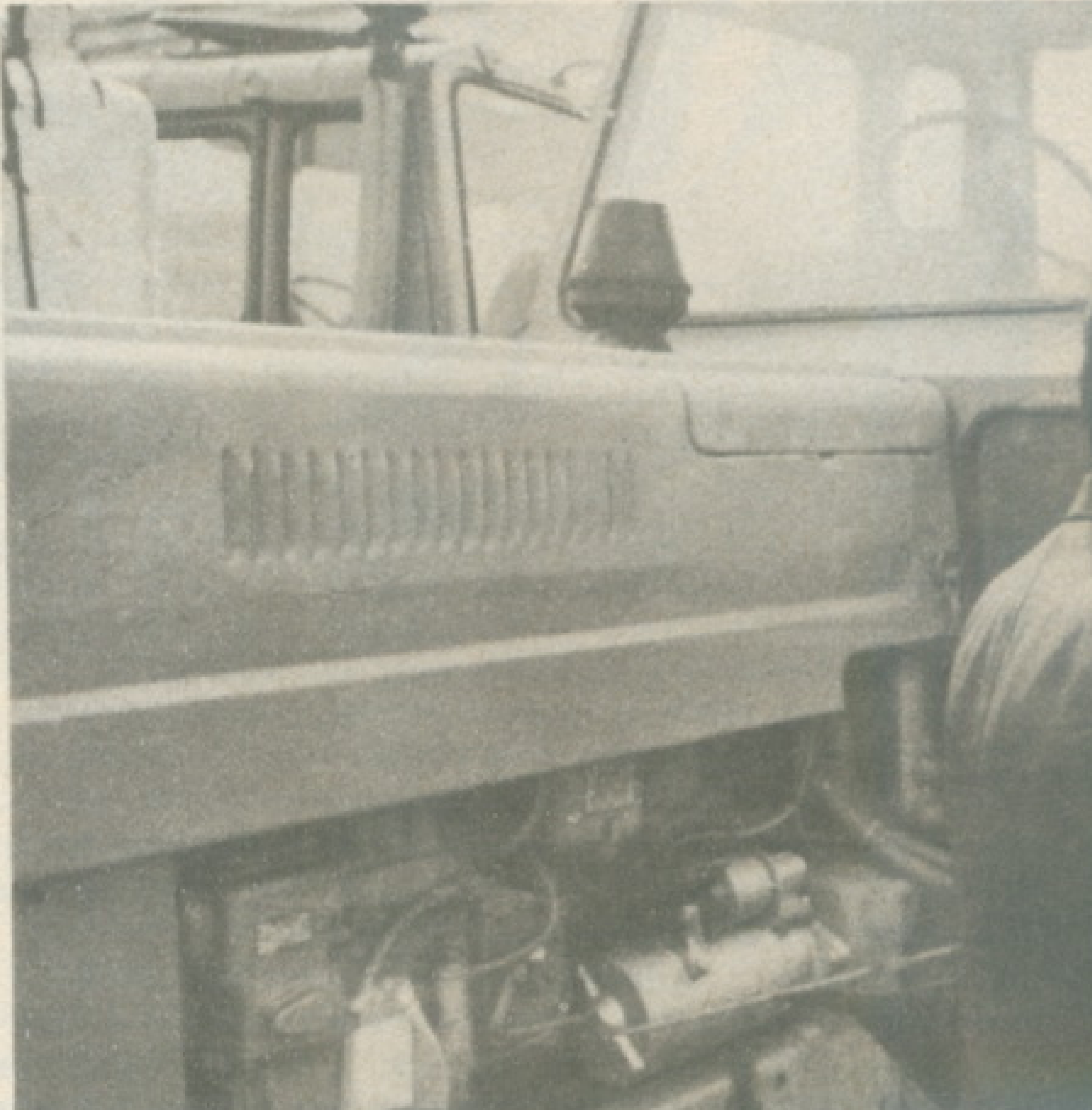
Если мы бросим общий взгляд на обсуждаемые сегодня возможные совместные акции европейской молодежи в рамках структуры — Общеевропейская встреча молодежи и студентов по вопросам охраны окружающей среды, день действий за разоружение, встреча сельской молодежи, встреча по вопросам молодежного туризма, — то увидим их широту и соответствие духу и принципам Хельсинки.

Во-вторых, молодежь, стремящаяся глубже и лучше познать жизнь сверстников в других странах, получила для этого в условиях разрядки самые широкие возможности через молодежный туризм, который пользуется сегодня в Европе «режимом наибольшего благоприятствования». По сравнению с 1975 годом количество молодых зарубежных туристов, посетивших Советский Союз по линии «Спутник», в настоящее время увеличилось в три раза и примерно во столько же раз возросло количество молодых советских туристов, побывавших в различных европейских странах. Подобный обмен, полностью соответствующий идеям и принципам Заключительного акта, служит интересам разрядки напряженности и взаимопонимания между народами.

В-третьих, в условиях разрядки возрос диапазон и расширилось содержание экономических связей между европейскими государствами, что имеет самое прямое и непосредственное отношение к молодежи. Ведь увеличение торгового оборота, стабильность экономических связей означают появление в странах Западной Европы, где остро стоит проблема безработицы, особенно молодежной, новых рабочих мест, в которых крайне заинтересована именно молодежь.

Анализируя сегодня итоги пятилетнего политического развития на Европейском континенте в молодежном аспекте, можно сделать вывод: разрядка, став неотъемлемой частью европейской политики последних лет, должна — и в этом одна из важнейших задач молодежи — стать «образом жизни» Европы, главными чертами которого были бы мир, сотрудничество, безопасность и взаимопонимание.





смотрите: АФГАНИСТАН СЕГОДНЯ

Если верить западной пропаганде, то снимков, которые вы видите на этом развороте, просто не может быть. Но они есть! Они перед вашими глазами — свидетельства праздников и будней сегодняшнего Афганистана.

О чем эти снимки? О всенародном праздновании второй годовщины революции; о первой борозде на земле, отобранной у помещиков; о братском сотрудничестве советских и афганских механизаторов; о том, как встречают советских солдат, помогающих по просьбе афганского правительства защищать революционные завоевания народа от происков империализма и его наймитов. На этих снимках — правда о сегодняшнем Афганистане, которую никому не удастся оболгать.

«В советской акции помощи Афганистану, — говорил на июньском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — нет ни грана корысти... Теперь жизнь в Афганистане постепенно входит в нормальное русло... В этих условиях мы приняли решение вывести некоторые части из нашего воинского контингента в Афганистане».

Фото М. СТОЛЯРОВА, Г. НАДЕЖДИНА











«ОБСТАНОВКА В ПРОВИНЦИИ НОРМАЛИЗУЕТСЯ...»

В начале апреля в Советском Союзе гостила делегация руководства Демократической организации молодежи Афганистана. В составе делегации: Бурхан Гияси, первый секретарь Исполкома ДОМА, руководитель делегации; Мир Абдуррахман Садри, заведующий организационным отделом Исполкома ДОМА; Голям Фарук Пасдар, секретарь провинциального комитета ДОМА провинции Парван; Голям Мухаммед Мухсен-заде, заведующий международным отделом Исполкома ДОМА; Абдул Азим Рахи, заместитель секретаря Кабульского горкома ДОМА. Наш корреспондент встретилась с товарищами из ДОМА, чтобы побеседовать о сегодняшнем дне республики, о работе, которую ведут молодые революционеры. Те несколько месяцев, что прошли после этой встречи, многое изменили: разбиты крупные банды контрреволюционеров, жизнь постепенно входит в нормальное русло. Читателю предлагается изложение двух бесед.

— Мир Абдуррахман, вы считаете себя революционером?

— ...Да. Я вступил в партию в десятом классе школы.

— Когда вы впервые приняли участие в политической борьбе?

— Я был одним из организаторов демонстрации школьников. Мы выступили с лозунгами, требующими демократии, реформ и политических свобод. После этого многие были арестованы, меня выслали из провинции. Это был первый опыт, который тогда не мог завершиться нашей победой.

— Чувствуете ли вы себя готовым на лишения и жертвы ради революции?

— Со времени вступления в партию считаю готовность пожертвовать жизнью для победы обязанностью революционера.

— Владеете ли оружием?

— После Саурской революции[1] прошел курс военной подготовки, обязательный для каждого члена партии. Имею разрешение на ношение личного оружия, владею стрельбой из пистолета, автомата «Калашников» и ППШ. В армию еще не призывался.

— Приходилось ли применять оружие?

— Несколько дней назад я был в провинции Кондуз — и такая ситуация могла возникнуть в любой момент.

— С какой целью вы были в провинции?

— Я хотел повидать мою мать.

...Нужно учитывать две вещи. Первое — Кондуз не самая опасная провинция из двадцати шести афганских провинций. Второе: обстановка в провинции Кондуз нормализуется.

Мир Абдуррахман Садри, студент Кабульского политехнического института, не был дома полгода. Наконец он сел в самолет в Кабульском аэропорту.

Его встретила мать — больше было некому.

— Уезжай, зачем ты приехал, — сказала мать.

Абдуррахман обнял мать. Он понял ее слова. Он вошел в дом, но мать не уходила с порога. Он подумал: полгода он не был дома, а раньше, давно, приезжал два раза за семестр, и, когда приезжал, мать сразу ставила чай — так принимают гостя: не спрашивают ни о чем, а прежде нальют чай. А теперь мать не хотела уходить с порога, будто бы дожидалась, что он передумает и уйдет, чтобы никто его здесь не видел.

— Я хочу пить, — сказал Абдуррахман, чтобы напомнить матери ее долг — ведь он был гостем, что бы ни случилось.

— Разве ты не знал, что здесь опасно, все боятся?

— Знал, — сказал сын.

— Бандиты тебя убьют, а дом наш, где ты родился, сожгут. Тебя здесь все знают как революционера. Могут выстрелить на улице и не найдут, кто стрелял. И дом сожгут, — причитала мать.

Абдуррахман подумал: вот снова он должен объяснять матери свой долг. (Первый раз он пытался ей внушить понимание правды, когда десять лет назад его арестовали в школе. Мать тогда сказала: дети, что вы можете сделать пустыми руками, одними лозунгами? Она сказала: сын, тебя высылают как преступника. Она не сказала: сын, если ты будешь продолжать свою борьбу, они придут в наш дом и арестуют твоего отца или выгонят его с работы, — и за то, что она не сказала это, Абдуррахман был благодарен матери. «Лозунги, которых боится полиция, — это оружие революции, — сказал тогда Абдуррахман матери, — но конечно, надо научиться стрелять».)

Мать принесла большой чайник, оставшийся со спокойных времен, когда семья была полной и был жив отец, поставила перед сыном пиалу и бросила в чай горо — заменитель сахара. «Почему, — часто думала она, — я не смогла воспитать в сыновьях веры в аллаха? Вера могла бы им сейчас помочь».

Мать знала, что сын иногда ходит в мечеть — для того, чтобы просить у муллы разрешения выступить перед мусульманами. Пять минут он говорит перед народом, чтобы народ ему поверил. Он не говорит народу об аллахе — об этом говорит с народом мулла. Но мулла разрешает ее сыну говорить с народом о вере.

— Я пошел, — сказал сын.

— Ты приехал домой, — напомнила мать.

— Я увидел тебя.

Когда этот человек, ее сын, ушел, взяв свое оружие, мать села у радиоприемника. Она готова была уйти с пустыми руками из дома и умереть, лишь бы сыновья были живы.

Ей было легко умереть, так как мщение она поручала богу.

В городе Кондузе Абдуррахман направился в провинциальный комитет партии, чтобы в беседах с местными товарищами узнать подробности тревожной обстановки, создавшейся в провинции. Из тех людей, с которыми он говорил, ему запомнился товарищ Фазиль Рахман. Он, как и все здесь, работал почти без сна. Фазиль Рах-

---

[1] *Апрельская революция называется в Афганистане Саурской: она произошла 7-го числа месяца саура 1357 года по мусульманскому календарю солнечной хиджры, что соответствует 27 апреля 1978 года. — Примеч. ред.*

ман, измученный бессонницей человек, вызвал большое уважение Абдуррахмана. Он, как и все, был убежден, что террористические группы, появившиеся в некоторых районах провинции, будут неминуемо уничтожены — для этого есть отряды армии и добровольной милиции. «Но самый главный враг, — сказал Фазиль Рахман, — это страх, который стремятся вызвать в народе банды. Крестьяне получили землю, а теперь они боятся ее возделывать. Лавочники получают предупреждения, чтобы не открывали лавок, тоже под угрозой смерти. То же самое со служащими. Бандиты хотят парализовать жизнь в Кондузе, нарушить нормальное течение жизни. Поэтому еще раньше, чем они будут уничтожены, надо уничтожить страх в людях».

Абдуррахман знал, насколько трудна задача. Крестьяне получили землю законным революционным путем — по декрету революционного правительства. Теперь им говорят, что эта земля противозаконно отнята и честный мусульманин не имеет права даже ступить ногой на эту землю. Безграмотность народа — сообщник контрреволюции. На пулю надо отвечать пулей, на слово — словом, на страх — мужеством.

— Через несколько дней я должен буду вернуться в Кабул, но сейчас я свободен, — сказал Абдуррахман.

— Нам нужны люди, которые могли бы говорить с простым народом и объяснить народу создавшееся положение и смысл нашей борьбы.

— Понимаю.

— Нужно ли предупреждать вас об опасности? Есть уже несколько случаев, когда поджигались дома активистов партии. Недавно убит бандитской пулей в своем доме наш товарищ и тяжело ранена его мать.

— Спасибо, нет необходимости предупреждать меня, — сказал Абдуррахман, — можете располагать моим временем днем и ночью.

— Патрулирование по городу, — объяснили ему, — организует комиссия по обороне.

— Я хочу просить разрешения присутствовать на допросе арестованных бандитов, — сказал напоследок Абдуррахман.

Он пробыл в Кондузе ровно неделю. Домой он возвращался очень поздно или только наутро. То небольшое время, когда он видел мать, он потратил на беседы. Мать — представитель народа — поняла его. Он гордился, что мать его единомышленник. Он думал, что теперь мать не будет так бояться за него и, если он — так могло случиться — погибнет в перестрелке или от подлой пули из-за угла, она будет вести себя мужественно, как подобает матери революционера. Однако он не поделился с ней своим горем, когда вернулся из больницы, где умер от раны товарищ Фазиль Рахман. В него стреляли, когда он шел по улице. «Пока я жив, мои руки будут сжимать оружие», — дал клятву Абдуррахман.

День седьмого саура он помнил по часам. В то время он не учился в институте — его выгнали по политическим мотивам. Сначала он нанялся работать кассиром на вокзал, потом нашел работу лаборанта в лаборатории, где испытывали твердые сплавы. В тот день он пришел домой в семь часов вечера. Жена Шафика сказала: «По радио ничего кроме музыки». Она сказала так потому, что обстановка в стране была революционная и все ждали событий. Ясно было, что режим Дауда доживает последние дни. Дауд, правитель, проклятый не только народом, но даже мусульманским духовенством, человек, преступивший все религиозные, человеческие и государственные законы, пережил свое время, его правление затянулось.

Наконец радио заговорило: «Дауд свергнут». На следующий день стало известно самое важное: власть в стране берет Народно-демократическая партия Афганистана. А через две недели кабульское радио передало обращение к народу: «Вооруженное восстание 7 саура 1357 года, совершенное по воле трудового народа Афганистана под руководством НДПА патриотически настроенными офицерами и отважными солдатами, являясь отправной точкой национально-демократической революции, открыло новую страницу в истории нашей любимой и славной родины».

Теперь Абдуррахман понимал: день седьмого саура — был только началом. Восстание победило — революция только начиналась. Каждый афганец, даже самый бедный житель отдаленного района, ничего не знавший о жизни, кроме труда на тяжелой земле, был участником этой революции, был человеком, в котором нуждалась революция, от которого зависела судьба революции так же, как его судьба зависела от революции, так же, как земля зависела от того, что на ней происходило, от того, кому она принадлежала!

И этот неведомый афганец начинал разбираться в революции по складам, тяжело и старательно, как бы наморщив лоб и вглядываясь в написанное непривычными глазами...

В Кондузе Абдуррахман пришел на завод, где было организовано собрание, а он был выступающий. Этот завод перерабатывал в масло «белое золото» — хлопковое зерно. Он ждал, что соберется множество народу — так и оказалось. Они ждали, что он скажет, и ждали, что слова его будут ясны, а многие ждали, чтобы поверить ему. Раньше Абдуррахман считал, что главное в человеке — его политические убеждения, его политическая платформа и политическая программа партии, которую этот человек поддерживает. И Абдуррахман готов был порвать с человеком, который не разделял его политические убеждения. Когда-то он был прав. Теперь он думал иначе. «Революция в опасности и будет спасена объединением народа под ее знаменем! Значит, главное сейчас — какую цель ставит перед собой человек и для чего работает. В конце концов, сейчас время сплачиваться, а не тратить время на выяснение отношений. Партии нужны единомышленники и попутчики. Спасение революции в едином фронте всего народа. Следовательно, моя задача — попытаться сегодня объединить людей, которые пришли выслушать меня». Когда Абдуррахман начал выступать, он увидел среди собравшихся своего родного брата Латифа. Он вгляделся в него и увидел общее выражение, роднившее Латифа с товарищем Фазилем, товарищами из партийного комитета и с простыми рабочими, — бессонное, измученное, но решительное и честное лицо человека, преданного революции. Абдуррахман знал, что Латиф, инженер на заводе, днем работает, а ночью дежурит в патруле, охраняя завод. Он еще не успел поговорить с Латифом как брат с братом, наедине. Он теперь говорил с ним на этом собрании. Он говорил, чтобы каждый здесь чувствовал, что партийный человек из Кабула обращается лично к нему. Вечером Абдуррахман занял свой пост в патруле

В один из дней его пригласили в провинциальный комитет. Он увидел арестованных бандитов, троих из всей шайки головорезов, обученных убивать, грабить и наводить страх, обученных профессионально убивать, потому что обучали их профессиональные убийцы с большим опытом. Эти трое были афганцы. Ненависть поднялась в Абдуррахмане, когда он слушал их. Мести требует убийство, смерти заслуживает предательство.

«Я слушал внимательно и потом понял, что эти люди, предавшие свой народ, свою революцию и самих себя, — они были обмануты и обманом вовлечены в подлое дело. Что их сейчас может спасти?»

Он должен был возвращаться в Кабул, где его ждала партийная работа, учеба, Шафика. В Кондузе становилось спокойнее. Мать, прощаясь с ним, не показала своей тревоги: у сына много забот, так думала, наверное, она, и ее материнский страх лишь утяжелит его ношу.

— Голям Фарук, как давно вы живете в Парване?

— Я был направлен в Парван на преддипломную практику и некоторое время работал в качестве инженера на парванском цементном заводе.

— Вы продолжаете работать на заводе?

— Нет. Моя работа партийная.

— В чем заключается ваша работа?

— Последнее время лично я занимаюсь агитационной и пропагандистской работой среди населения провинции.

— Подвергаете ли вы себя опасности?

— Думаю, нет.

Голям Фарук Пасдар дважды получил известие о своей смерти. Он знает все девять уездов своей провинции и хорошо знает народ провинции. Вот что он рассказал:

«В Парване все живут средне, то есть как и по всей стране. Конечно, это значит, что первое впечатление чужого человека— общая бедность в Парване. На самом деле у крестьян есть земля, и земля неплохая, что очень важно для Афганистана. В Парване возделывают виноградные плантации. Кроме цементного завода и шахт, где добывается цемент, есть еще две текстильные фабрики — есть возможность работы. Поскольку я изучал геологию, то скажу о перспективах дальнейшего развития провинции: уголь, металлы, известь и золото можно добывать в Парване. Из пятисот тысяч населения провинции более тысячи членов НДПА.

Народ Парвана имеет свой характер, который надо непременно учитывать в нашей работе. Со времен, когда Афганистан боролся с английскими завоевателями, было известно, что парванцы легко объединяются, легко организуются, у них хорошо развито чувство локтя, они патриоты. Как вы можете понять, все эти качества можно использовать и против самого народа. Этим занимались еще англичане: во время этих войн отряды парванцев — порой их численность могла доходить до ста тысяч — были направлены против самих афганцев. При этом парванцы искренне считали, что воюют против врагов народа и за истинный ислам. Сейчас почти восемьдесят процентов населения поддерживает политику партии и понимает нас. Но также действуют две группы экстремистов правого и левого толка. Наши враги используют традиционные методы завоевателей: они толкуют об угрозе исламу, о чести мусульманина, о независимости. То есть играют словами. Если учесть, как умеют играть словами наши враги, как яростна вражеская пропаганда, и то, что большинство людей неграмотно и все новости получает от радиостанций, становится ясно, как должны работать мы».

Фарук выступает в мечетях и на базарах. Если мулла не разрешает ему выступать в мечети, он не имеет права настаивать — это правило партийное. Он старается говорить кратко: в мечети пять минут, в других местах — не более получаса. Он должен уложиться в это время. Он не любит пространных рассуждений и лозунгов, он считает, что время лозунгов и рассуждений прошло. Кроме того, слишком много разных лозунгов и будто бы убедительных рассуждений слышат эти люди от наших врагов. Оружие Фарука — факты. Для того чтобы изложить факт жизни, не надо много времени. Он научился говорить с людьми.

...В деревне Тохберд Фарук постучал в дверь дома, но никто не открыл ему. Деревня как бы вымерла. Он стал стучать во все окна. Наконец кто-то отворил ему, узнав пропагандиста.

— Мы все сидим, завалив двери камнями, — сказал крестьянин.

— Чего вы боитесь? — встревожился Фарук.

— Мы боимся, что придут шоурави[1], — объяснил крестьянин.

— Ясно, — сказал Фарук, — зови, чтобы пришли все.

Пришли все мужчины, как они привыкли собираться в мечети.

— Объясни нам, — обратился старший к Фаруку, — правда ли то, что мы знаем сами: придут шоурави и будет конец исламу?

Фарук узнал стиль врага.

— Откуда вы это слышали?

— Разные люди говорят.

— Все ли вы получили землю? — спросил Фарук народ.

— Да, — сказали, — теперь мы богачи.

— Слышали ли вы, чтобы советские отбирали вашу землю?

— Такого не было.

— Вы ходите в мечеть. Спросите муллу: закрылась ли хотя бы одна мечеть?

— Такого он не говорил.

— Знаете ли случай, чтобы советские отказали в помощи?

— Я слышал, — сказал один, — что их врач вылечил больного ребенка.

— Помните ли, как в соседней деревне убили крестьянина за то, что он возделывал эту, данную ему для жизни землю?

— Да, так было давно, и недавно тоже был случай. Кто эти люди?

— Я расскажу, кто они. Но сначала ответьте: кому принадлежала до революции ваша земля?

— Ты сам это знаешь, — ответили ему.

— Знаю, — сказал Фарук, — как и всякий из вас, как всякий, кто знает труд на земле; кто всю жизнь на ней работал, но не имел права взять собранный урожай; кто ненавидит тех, кто отнимал урожай у вас. Тот, кто раньше владел вашей землей, хотел бы вернуть назад отнятое у него справедливой революцией.

— Вернуться к старому?

— Вот кто вооружает врагов, кто переводит их через границы. Я знаю и скажу вам, что у советских земля в вечном пользовании трудящегося крестьянства. Я знаю, что у советских есть мечети и мусульмане могут молиться свободно.

— Значит, у них настоящий, истинный ислам? — крикнул кто-то.

Однажды Фарук разговаривал с советским военнослужащим. Солдат спросил: «Как ты относишься к нам, советским?» Фарук сказал:

— Я разбираюсь в правде. Но народу моему надо объяснить, что чужой не значит враг. Видишь ли, это необходимо.

Когда Фарук вернулся из Тохберда, он узнал, что его товарищи уже горюют: кто-то пустил слух, что его убили. Тотчас же Фарук отправился назад, в Тохберд.

— Ты жив? — спросили его в Тохберде.

— Жив, — отвечал Фарук, — и пока жив, не устану говорить правду. Те, кто боится правды, пустили слух, чтобы люди боялись. Нет другого оружия у вас против страха, кроме мужества.

— Мы слушаем тебя, — сказали ему.

Через несколько дней он выступал на базаре в другой деревне.

— Прости, — сказал ему человек, — тут говорили, что тебя убили вчера в Парване.

— Они тебя обманули, — чистосердечно признался Фарук, и человек рассмеялся и стал его слушать, чтобы не пропустить ни слова.

...Будущее представляется им светлым. Вернувшись на родину, каждый из них вновь займет свой революционный пост, будет продолжать работать, приближая будущее каждой минутой своей жизни. Пока революция не окрепнет.

Беседу записала Н. ЧУГУНОВА

[1] *Шоурави на языке фарси означает «советские».*



ЗАБАСТОВОЧНАЯ БОРЬБА, В КОТОРОЙ УЧАСТВУЮТ САМЫЕ РАЗЛИЧНЫЕ СЛОИ ТРУДОВОГО НАСЕЛЕНИЯ, ДОСТИГЛА НАИВЫСШЕГО В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ УРОВНЯ. ВОЗРОСЛИ СИЛА И АВТОРИТЕТ РАБОЧЕГО КЛАССА, ПОДНЯЛАСЬ ЕГО РОЛЬ КАК АВАНГАРДА В БОРЬБЕ ЗА ИНТЕРЕСЫ ТРУДЯЩИХСЯ, ПОДЛИННЫЕ ИНТЕРЕСЫ НАЦИИ.

Л. И. БРЕЖНЕВ (Из доклада на XXV съезде КПСС.)

ЭТА ВЕЧНО МОЛОДАЯ БОЕВАЯ ЗАБАСТОВКА

Б. ИЛЬИН

Разворачивая поутру газету и обращаясь к разделу зарубежной хроники, вы неизменно читаете: «Прекратили работу...», «Опустели цехи...», «Замерли машины...» Уже само по себе постоянство подобных сообщений говорит о многом. А если вспомнить, что «сверстники» первых забастовок — газовый рожок, почтовый дилижанс, мануфактурное производство — давно отдыхают в музеях или бесследно канули в Лету, как и многие другие приметы раннего капитализма, то живучесть забастовочного движения покажется еще более впечатляющей. С той давней поры неузнаваемо изменилось производство и во многом непохожим на своего предка-паупера, описанного Ф. Энгельсом в книге «Положение рабочего класса в Англии», стал нынешний рабочий. Но и сегодня, борясь за свои права, он, подобно деду и прадеду, «складывает инструмент», как полтораста, сто, пятьдесят лет назад.

НЕУСТРАНИМАЯ, КАК ТЕНЬ

Если мы откроем одну из тех книг, по которым учат истории студентов западных университетов, то узнаем, что забастовки, оказывается, проводились с незапамятных времен. В 309 году до нашей эры в Древнем Риме флейтисты отказались играть на какой-то церемонии. В Древней Греции в 650 году до нашей эры из-за коллективного отказа остановились работы на серебряных копях. В одной из книг Ветхого завета рассказывается о чем-то похожем на стачку при строительстве пирамиды в Древнем Египте — исследователи датируют эпизод XIII веком до нашей эры.

Не так уж трудно понять, чем продиктованы поиски «стачкообразных» примеров в седой древности. Ведя родословную забастовки от времен библейских пророков и фараонов, буржуазные ученые пытаются сделать ее принадлежностью не классовой, но «общечеловеческой» истории. А отсюда уже рукой подать до трактовки стачки как явления, «извечно присущего человеку», «человеческой природе». И вроде бы здесь ни при чем конфликт труда и капитала.

Между тем «рождение» стачки датировано достаточно точно, ибо точно известно, когда сложились два условия, при которых стачка обрела свой смысл и облик: наличие формально свободных работников, вынужденных продавать единственное, что у них есть — рабочую силу, и капиталистов — собственников средств производства, нуждающихся в наемных работниках, чтобы эти средства приводить в действие. Оба эти условия родились именно с капиталистическим способом производства и получили особенно бурное развитие с его вступлением в стадию крупного машинного производства. Нарастание стачечной борьбы следует за капитализмом, как тень.

Избавиться от этой тени, уничтожить, развеять ее — давняя и сокровенная мечта капиталистов. Поэтому у истории забастовок есть «изнанка» в виде истории антистачечного законодательства. Классическая буржуазная революция — революция 1789 года во Франции — дала и «образцовый» антистачечный «закон Ле Шапелье» (1791 год), запрещавший проведение забастовок и образование профсоюзов. Аналогичный запрет в Англии был введен «законом Питта» (1799 год). Так называемое «право на забастовку», завоеванное рабочими ценой неимоверных жертв и усилий, стало появляться в буржуазном законодательстве главным образом лишь после второй мировой войны и, уж во всяком случае, не ранее 30-х годов нашего века. Но распространение этого права не было повсеместным: во франкистской Испании, например, забастовка до самого конца режима каудильо приравнивалась к мятежу. В тех буржуазных государствах, где это право записано на бумаге, оно обставлено таким количеством условий, ограничений, изъятий, что порой равнозначно запрету. Однако и в таком виде это «право» представляется правящему классу чрезмерным.

Судебно-полицейские меры — свидетельство неспособности справиться с забастовкой другими путями. А ведь сколько раз буржуазия возлагала надежды на реформистское заигрывание с рабочими, подкармливание профсоюзной верхушки, проведение политики «человеческих отношений» на предприятиях и прочие «мирные» средства из арсенала социального лавирования! Своеобразным выражением этих надежд стал, например, труд двух известных американских социологов, А. Росса и П. Хартмана, без ссылки на который до сих пор не обходится ни один буржуазный исследователь стачек. В своей книге «Меняющийся облик индустриального конфликта», вышедшей в 1960 году, Росс и Хартман прилежно обработали данные стачечной статистики за пятьдесят с лишним лет в пятнадцати капиталистических странах разного уровня развития и вывели непреложную вроде бы «закономерность угасания» забастовки по мере капиталистического «созревания» страны.

Не прошло, однако, и пятнадцати лет, как там же, в Америке, увидел свет не менее внушительный фолиант профессора У. Хатта, известного экономиста из ЮАР, преподающего в США. Заголовок этого труда можно было бы перевести как «Комплекс забастовки и угрозы забастовкой»; смысл же его вкратце сводится к тому, что забастовки не просто проникли во все поры хозяйственной и общественной жизни капитализма, но практически обусловливают все его функционирование. Фабрикант, собираясь строить новое предприятие, закладывает в смету предстоящие убытки от стачек; маклер на бирже наперед старается учесть воздействие неизбежных трудовых конфликтов на котировку ценных бумаг; политик, оглашающий свою предвыборную программу, делает это с оглядкой на ту же забастовочную борьбу и т. д. «Спасение», дает понять юаровский «гуманист», в том, чтобы надеть на профсоюзы намордник, да покрепче... Вот вам и «угасание»!

На рубеже 60-х и 70-х годов капиталистический мир пережил самый мощный с начала XX века подъем стачечного движения. Число забастовщиков более чем удвоилось по сравнению с началом 50-х годов: примерно с 13 миллионов в год до 27—32 миллионов. Число забастовок, которое на протяжении предыдущих двух десятилетий редко превышало 9 тысяч в год, подскочило сразу до 15 с лишним тысяч. Число забастовочных человеко-дней, колебавшееся в пределах 30—50 миллионов в год, далеко перешагнуло за 100-миллионную черту. В забастовочную борьбу оказался втянут практически каждый десятый наемный работник.

До этого в XX веке было лишь три хотя и менее масштабных, но все же сопоставимых подъема забастовочной борьбы: в начале 20-х, первой половине 30-х и в конце 40-х годов. То были соответственно периоды после первой мировой войны и Октябрьской революции в России, после «великой депрессии» (как называют международный экономический кризис 1929—1933 годов) и после окончания второй мировой войны. Во всех трех случаях, иначе говоря, стачечная борьба получала некий дополнительный «пусковой импульс» извне. Подъем конца 60-х — первой половины 70-х годов родился, напротив, без мировых войн, катастрофических кризисов или иных подобных катаклизмов: из самого что ни на есть «нормального» развития капитализма. И эпицентром этой стачечной вспышки были именно наиболее развитые капиталистические страны: на них приходится около 80 процентов всех участников забастовок в этот период.

ЧЕМ ОБЯЗАН СТАЧКЕ РАБОЧИЙ КЛАСС

«Всякая стачка, — писал В. И. Ленин, — приносит с собой для рабочего массу лишений и таких страшных лишений, которые можно сравнить только с бедствиями войны: голодание семей, потеря заработка, часто арест, высылка из того города, где он обжился и имеет занятие. И несмотря на все эти бедствия, рабочие презирают тех, кто отступает от всех товарищей и идет на сделку с хозяином... «Люди, которые терпят такие бедствия, чтобы сломить сопротивление одного единственного буржуа, сумеют сломить и силу всей буржуазии», — говорил один великий учитель социализма, Энгельс... Часто стоит только забастовать одной фабрике, — и немедленно начинается ряд стачек на целой массе фабрик. Так велико нравственное влияние стачек, так заразительно действует на рабочих вид их товарищей, которые хоть на время становятся из рабов равноправными людьми с богачами!»

В повседневной жизни рабочий принижен, лишен права на инициативу, постоянно ощущает занесенную над ним дубину хозяйского произвола. На время забастовки все меняется: стачка возвращает рабочему достоинство, равенство с другими людьми, право участвовать в принятии решений. В сущности, в этом нравственно распрямляющем действии забасто-

вок и заключается одна из причин их неустранимости при капитализме.

Ленин называл забастовку «одним из глубочайших и наиболее могучих проявлений классовой борьбы пролетариата». Он любил приводить слова из старой песни немецких социалистов: «Все колеса остановятся, если захочет того твоя сильная рука».

Тщетно вместе с тем искать у Ленина чего-либо похожего на абсолютизацию стачки, признание ее если не главной, то хотя бы предпочтительной формой борьбы. Подобно К. Марксу и Ф. Энгельсу, он подходил к забастовке конкретно-исторически, как к составной части борьбы пролетариата за собственное освобождение, призванное в то же время принести всему обществу освобождение от ига эксплуатации человека человеком.

Практически все, что рабочему классу удалось завоевать, включая и само право на забастовку, он добился в стачечной борьбе. Но забастовке, как подчеркивают классики марксизма, рабочий класс обязан и чем-то несравнимо бо́льшим: своим собственным становлением, превращением в класс «для себя». Крупный капитал, объясняет Маркс, скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу наемных работников. Будучи фактически поставлены в одинаковые условия эксплуатации, эти люди еще не сознают своей общности. Каждый еще пытается «выбиться в люди» собственными силами. Классом они являются пока по отношению к капиталу, а не к самим себе. Это, по выражению Маркса, пока класс «в себе». «Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, *коалиции*». Рабочие объявляют забастовку, организуют стачечную кассу, основывают профсоюз. На почве, подготовленной борьбой, возникает политическая партия пролетариата. Так рабочий класс превращается в класс «для себя» и начинает отстаивать свои интересы как классовые.

Выход в сферу политической борьбы, где, собственно, и решается вопрос о власти, требует от рабочего класса высочайшего уровня организованности и сознательности, овладения сложнейшими приемами и инструментами политического противоборства и маневра, способности создавать широкие союзы и руководить ими. Соответственно в его арсенале появляются все более совершенные средства борьбы и самовоспитания: организационно-политические, идеологические и т. д. Но это не значит, что забастовка отходит на задний план как «отсталая» и «чисто экономическая» форма борьбы. И дело здесь не только в том, что рабочему классу изо дня в день приходится отстаивать уже завоеванное, ибо ни одно его достижение, пока не одержана окончательная победа над капиталом, не может считаться окончательным и бесповоротным.

Пожалуй, чаще других в высказываниях классиков марксизма о забастовке встречается слово «школа»: забастовка как школа классовой борьбы. Но «школа» — понятие многогранное. Вышеприведенные ленинские слова о «нравственном влиянии» забастовок привлекают внимание к одной из важнейших граней. «Чтобы правильно оценить значение забастовок и рабочих союзов, — читаем мы у Маркса, — мы не можем позволить ввести себя в заблуждение тем обстоятельством, что их экономические результаты внешне незначительны, — мы должны иметь в виду прежде всего их моральные и политические последствия». Стало быть, в первую очередь тот нравственный, «распрямляющий эффект», который порождает стачка. «Для пролетариата, — это снова слова К. Маркса, — смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба». Откажись рабочие от стачечной борьбы, добавлял он, и «они выродились бы в сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения... Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение».

«Энгельс, — отмечал Ленин, — *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*».

Вот о какого рода «школе» идет речь. Сыграв важнейшую роль в становлении, начальном формировании рабочего класса, забастовка продолжает служить ему тем, что изо дня в день лепит и моделирует его нравственно-политический облик, выковывает людей, которые «сами себе помогут», которые «даже получают от своей революционной деятельности величайшее в мире наслаждение» (Маркс).

ОРУЖИЕ — ПРОЛЕТАРСКОЕ, НО В ЧЬИХ РУКАХ, ЧЬИХ ЦЕЛЯХ?

Так называемую гуманизированную систему организации труда, возвращающую рабочему некое подобие самостоятельности, ответственности, творческого начала в труде, изобрели на Западе уже несколько десятилетий назад. И это было прямым следствием стачечной борьбы. Еще до второй мировой войны эта система прошла практическую проверку в США. Наиболее проницательные из буржуазных экономистов давно уже поняли, что в современном мире в условиях соревнования двух миров тейлоровско-фордовская схема организации труда с ее критерием «дрессированной гориллы» не только ненавистна рабочему, но и становится все менее рентабельной из-за растущих потерь от травматизма, брака (иногда прямого саботажа), текучести кадров, прогулов, забастовок. Понадобилась, однако, мощная волна знаменитых стачек начала 70-х годов, чтобы предприниматели вспомнили о мерах «гуманизации труда» и принялись внедрять их, не считаясь порой даже с финансовыми затратами. Резко ускорилась и автоматизация крупносерийного поточно-конвейерного производства.

Прекрасно, может сказать здесь читатель. Своими забастовками протеста против обесчеловеченного труда, низведения работника до роли примитивного придатка машины рабочие ударили по одной из болезненных, кризисных точек капиталистического способа производства. Но ведь результатом явилось совершенствование, рационализация этого самого способа. Мало того, «гуманизация труда» со всей очевидностью закабаляет труженика еще прочнее, чем подчинение диктату конвейера. Так нет ли здесь противоречия или, еще хуже, непоследовательности, самообмана, хождения по кругу?

Противоречие есть, и о нем было хорошо известно уже Марксу, когда он говорил, что можно написать целую книгу по истории технических изобретений, вызванных к жизни именно стачками, и отмечал их «громадное влияние на развитие промышленности». Скандализироваться по этому поводу может, по-видимому, лишь тот, кто забывает, что К. Маркс и его последователи никогда не страшились совершенствования капиталистического производства с неизбежно присущими ему противоречиями; более того, связывали свои надежды на революционное освобождение пролетариата именно с развитием производительных сил, а не их застоем. Если же вернуться к капиталистической «гуманизированной» организации труда, то социальный смысл этого завоевания вполне очевиден: даже то куцее «самоуправление», которое этой системой предусматривается, сразу же делает зримой ненужность на производстве такой фигуры, как хозяин — собственник капитала. Именно поэтому предприниматели так долго тянули с внедрением этих принципов, да и

сейчас применяют их с большой опаской.

Забастовка, как увеличительное стекло, сводит в фокусе множество противоречий, причем число их, естественно, не уменьшается с разрастанием масштабов и остроты классовой борьбы как в пределах отдельных регионов или государств, так и в капиталистическом мире в целом. Небывало расширился, скажем, социальный состав бастующих. По мере того, как капитализм превращает в наемных работников вчерашнего крестьянина и адвоката, ремесленника и врача, мелкого предпринимателя и художника, все новые категории трудящихся прибегают к традиционно пролетарскому средству отстаивания своих интересов. Граждане современного буржуазного государства становятся свидетелями (и жертвами) таких стачек, которые и во сне не могли привидеться их дедам: бастуют работники торговли и коммунальных услуг, служащие и чиновники, журналисты и университетская профессура, пожарные и даже — о ужас! — полицейские.

Бесспорно, это свидетельствует о том, что в недрах буржуазного общества складывается принципиально новая расстановка классовых сил. Но процесс этот не прямолинеен и не совершается в считанные дни или месяцы. В качестве первой реакции пролетаризация недавно еще «самостоятельных» производителей вызывает у них стремление восстановить прежние привилегии и отличия. В стачечной хронике последних лет можно встретить случаи выступлений медицинских работников против демократической реформы здравоохранения, учителей и преподавателей — против расширения доступа к культуре для детей из малоимущих слоев, градостроителей и архитекторов — против контроля общественности над строительством и т. п.

Одним словом, пролетарское оружие, как ни парадоксально это звучит, может оказаться и средством борьбы с пролетаризацией тех или иных слоев. А может обернуться и вовсе в антипролетарских целях: достаточно вспомнить о той роковой роли, которую сыграли забастовки и бойкоты в подготовке пиночетовского мятежа в Чили осенью 1973 года.

Предотвратить такое развитие может только наличие у рабочего класса, трудящихся масс влиятельного авангарда, сильного своей сознательностью и черпающего способность координировать и направлять борьбу разнородных групп трудящихся в четком видении перспективы. В репортажах из стачечных пикетов, которые вы прочтете на следующих страницах, встретятся упоминания о коммунистах: их мужестве, стойкости, верности духу товарищества. Лично отважных людей и умелых организаторов стачек можно найти, однако, и среди активистов социал-демократического или, допустим, христианского профсоюза. И если удельный вес коммунистов практически повсюду более высок среди организаторов и руководителей стачек, чем среди депутатов парламента или муниципалитетов, то это отражает их истинную популярность и авторитет в рабочих массах.

Без малого восемь десятилетий назад В. И. Ленин предупреждал революционеров, что любые, даже самые пролетарские, формы борьбы с неизбежностью перерождаются, «истрепываются», оборачиваются против самого рабочего класса, если попадают на самотек, выходят из-под контроля и просвещающего влияния марксистского авангарда. Каждодневная практика стачечной борьбы в наши дни властно подтверждает актуальность этого предостережения.

НОВЫЕ «АДРЕСАТЫ» СТАЧКИ

Минувшее десятилетие принесло с собой не просто подтверждение живучести забастовок, но и такие их новые свойства, которые поставили в тупик многих западных классификаторов стачечной борьбы. Издавна существовало деление стачек на экономические и политические. Если забастовка, всегда считали буржуазные правоведы, обращена своими лозунгами против существующего строя (государства) или власти (правительства) и вдобавок направляется не профсоюзом, а политической организацией (партией), то такую забастовку следует квалифицировать как политическую (и подавлять всеми доступными средствами, добавляли правители). В живой действительности, разумеется, проведение различий не так просто, как на бумаге; но в целом принцип устраивал и господ профессоров, и, что, пожалуй, существенней, полицейское начальство.

Однако на рубеже 60 — 70-х годов стал складываться некий неведомый наблюдателям тип крупной массовой стачки. Пример ее, собственно говоря, был продемонстрирован зимой 1960—1961 годов в Бельгии, когда всеобщая забастовка под руководством профсоюзов и под лозунгами, не выходившими за границы социально-экономических требований, привела к самому глубокому после 40-х годов политическому кризису в стране и смене правительства. Эпизод этот поспешили объявить «нетипичным», «чисто бельгийским» и не подлежащим обобщению.

Но вот в мае 1968 года аналогичная ситуация повторилась во Франции: знаменитая многодневная 10-миллионная всеобщая забастовка, тоже возглавлявшаяся профсоюзами и тоже не содержавшая в своей платформе непосредственно политических требований, до основания потрясла здание государства монополий: ее влияние ощущалось в жизни страны еще на протяжении доброго десятка лет. Самая грандиозная за всю историю Италии 20-миллионная общенациональная забастовка 19 ноября 1969 года, обозначившая рубеж в социально-политическом развитии страны, проводилась профсоюзами под лозунгом осуществления жилищной реформы. Сыгравшая решающую роль в падении правительства консерваторов стачка английских горняков в 1974 году, как и предыдущая их забастовка в 1972 году, была на первый взгляд типичным конфликтом «из-за зарплаты»...

Перечень примеров нетрудно продолжить, но это будет лишь детализацией того главного, с чем столкнулось в эти годы современное капиталистическое общество: «неполитические» по своим формальным признакам стачки все чаще вторгаются в самые что ни на есть заповедные области политики (в той же Италии, к примеру, подобные забастовки не менее трех раз за десять лет явились причиной падения правительства).

Первыми исторический смысл этого явления открыли коммунисты. «В развернувшихся классовых боях, — отмечал в 1972 году на XV съезде советских профсоюзов Л. И. Брежнев, — все заметнее видна тенденция, на которую своевременно обратили внимание коммунисты, а именно перерастание экономической борьбы в выступление против всей системы государственно-монополистического господства».

Вывод этот получил всестороннее обоснование на международных встречах и совещаниях компартий, в дискуссиях ученых-марксистов, на страницах марксистских научных изданий. В первую очередь, как показывает проведенный анализ, явление обусловлено расширением функций капиталистического государства, то есть тем, говоря словами одного из ведущих советских исследователей проблем современного капитализма, А. Г. Милейковского, что «усиление вмешательства государства в экономическую жизнь в интересах монополий делает неизбежным вмешательство масс в политику». Поистине: как аукнулось, так и откликнулось. Обращение к помощи государства как средству борьбы со стачечным движением обернулось для капитала антигосударственной нацеленностью все большего числа забастовок.

Надо думать, это не последний из «парадоксов», которые «старая как мир» стачка преподносит строю, породившему ее и не способному избавиться от ее грозного соседства.



НА САМОМ КРАЮ КАПИТАЛА...

РАССКАЗ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО

Энцо РАВА,
итальянский публицист —
для «Ровесника»

„Завтра у меня забастовка». Новость, нужно сказать, не повергает в экстаз тех, кому я ее сообщаю. Некоторые (торговцы и работники разных мастерских, обитающие в моем квартале) посмеиваются: «Ну повезло парню, хоть раз в жизни поспит до десяти»; другие (всякие там министерские служащие, или те, кто устроился на общественной службе, или, скажем, работает в филиале какой-нибудь солидной фирмы с севера) вообще никак не реагируют — я ведь вкалываю на жалком заводишке, так сказать, на самом краю капитала. Бастуй мы хоть целый месяц, бастуй хоть в полном составе — все пятьдесят человек — кого это тронет! И уж, само собой, нам не дождаться аршинных заголовков на первых страницах газет, как это случилось бы, забастуй, скажем, служащие министерств, железнодорожники или металлисты.

Я и сам не считаю, что наша забастовка станет «исторической» (а такие не раз потрясали страну, некоторые даже скидывали правительства), и уж тем более я не чувствую себя, как это... ну да — «героем»: слава богу, благодаря победам рабочего класса забастовка в Италии стала правом, признанным конституцией. Больше того, теперь никто уж не осмелится открыто помешать ее проведению с помощью полиции, чтобы та, вооружившись наручниками и автоматами, «проконтролировала» ситуацию.

Старый трамвайщик, теперь пенсионер, он живет на первом этаже, вообще посмеивается над нами, молодыми рабочими. Он говорит, что от нашей борьбы несет розовым маслом. Вот в его, дескать, время, вспоминает он с ностальгией, которая на самом деле всего лишь ностальгия по молодости, так вот в его время забастовка была забастовкой: хозяин то и дело издавал приказы об увольнении, со всей округи на автобусах свозили штрейкбрехеров, торговцы тут же отказывались продавать тебе в кредит, а полиция общественной безопасности всегда находила добровольца, который выкрикнул бы что-нибудь этакое провокационное, что позволило бы ей приступить к делу: сирены ревут, каждый полицейский, оседлав джип или транспортер, готов тут же вести огонь на уровне чуть выше головы. На следующий день все газеты клеймили тебя участником антиго-

сударственного заговора, на тебя вешали смерть раненых и погибших, тебя повесткой вызывали в суд, даже адвокаты выставляли свой счет; и, само собой, все стоящие фирмы заносили тебя в «черный список», и ни в одной конторе на сто километров в округе — и это на года — тебе нечего было пытать счастья... Да разве сейчас, отвечаешь ему, не происходят великие забастовки: только в семьдесят седьмом металлурги дали под зад всем, кто еще колебался, впустить или нет коммунистов в парламентское большинство, а весной семьдесят девятого всеобщая забастовка потопила правительство, которое хотело начисто игнорировать компартию, перешедшую в оппозицию, короче, сделать ее как бы невидимкой.

Увы, мы не из того числа, и наша забастовка не такова; нас всего-то пятьдесят — и рабочих, и техников, административных работников, служащих столовой, транспорта и уборщиц, — короче, мы такой заводик по производству пластмассы, который в каждую минуту готовы заменить сотни других; даже газеты, даже самые к нам расположенные, и те нам выделят считанные строчки в рубрике «Вести из районов». И то правда, им хватает дел: инфляция, политическая нестабильность, терроризм, а то и какое-нибудь землетрясение или наводнение; тут уж не до нас, пяти десятков. Мы как чашка с водой, плавающая на краю огромного океана. В океане, понимаешь, эпохальная буря, и самые большие волны, как всегда, по краям этого капиталистического океана: что им наш заводишко! Что затопят волны его совсем, что, пожалев, отступят от двухэтажного зданьица на холмистых огородных окраинах города, кому от этого жарко или холодно? Кроме нас, конечно, пятидесяти.

Короче, «никчемная» забастовка. И, может, прав лавочник с первого этажа: всего-то и дел, что повернуться на другой бок, когда зазвонит будильник, проспать до десяти и вообще весь день прогулять. Ну даже не выплатят мне за этот день; подумаешь, какая беда, будто хуже не бывает.

Честно говоря, у нас на заводе «классовое сознание» не на высоте. Рабочие верят, что компания в общем-то держится на выбитых хозяином через влиятельных политических друзей правительственных дотациях. С одной стороны, администрация водит за нос налоговую инспекцию, с другой — рабочих по части социального обеспечения; короче, заводик — типичный фрукт, созревший в пору давнего «экономического чуда». Появился он на свет ради спекулятивных соображений, а держался худо-бедно на свете лишь благодаря очередным «вспомоществованиям». По этим причинам он был так искусно укомплектован крестьянами, изгнанными кризисом и нищетой с ближайших к городу холмов, эмигрантами с Юга, многолетними безработными, молодежью, охлаждающей ежедневными прогулками по улице свой дух, разогретой бесцельной учебой и безработицей; короче, теми, кто не имел никакого опыта в борьбе, теми, у кого не было ни следа рабочей культуры. Наоборот, все наоборот, они скорее были более склонны к соглашательству, к любому обману товарищей, лишь бы сохранить работу. Вот и завтра наверняка найдутся такие, что не забудут обзавестись справкой от врача. Дескать, они были в тот день больны: так они не только смогут день погулять, но и получат за это деньги; а если, случись, забастовка будет успешной, так они, как все, воспользуются ее результатами. Так вот, если обо мне: я, конечно, не буду героем, но уж и подонком тоже, не отступлю.

А ведь, если подумать, наша забасτовочка тоже не подзаборная шавка. Пусть наш хозяин не голова мультинациональной гидры, прячущей свое тело где-нибудь в Лихтенштейне или в Нью-Йорке; с такой раз схватился, то чувствуешь хотя бы возбуждение — вот оно каково, с самим колоссом капиталистического мира! Наш хозяин даже не «синьор в национальной экономике», он не заседает в административных советах крупных индустриально-финансовых комплексов; наконец, он даже не глава какого-нибудь государственного «поместья», отхожего промысла мафии высокопоставленных бюрократов, захвативших не только политические, но и экономические рычаги власти. Наш хозяин говорит про себя, что он такой же проклятый, как и мы, что он сам начинал рабочим, как мы, что завод он поднял буквально своими руками, что он и лиры на нем не заработал, а «если уж хотите, я и его вам отдам», и тут же машет перед глазами счетами, где чуть ли не один красный карандаш — сплошной дефицит. Но мы-то неплохо знаем, как он заработал деньги и как их тратил, как перевел доход с одного банковского счета на другой и носится с мыслью пустить все дело под откос — короче, стереть наш заводишко с лица земли: продать эту землю с молотка для супермаркета. Это дало бы ему немалую сумму, которой можно бы неплохо спекульнуть на стороне. И все же согласитесь, я-то с этим согласен: бороться с таким вот мелким спекулянтом, а не с каким-то гигантом индустрии, нет, это не вдохновляет...

Вот еще проблемка: это мои товарищи, те самые, что за карликом отказываются видеть великанов. «Черт побери, — говорят они, — как мы выжмем из него повышение зарплаты, если у него сплошной дефицит; кончится тем, что действительно пустим завод на дно, а сами очутимся на мостовой!» Вот так забастовка на самой периферии итальянской экономики становится проблемой, и немалой: ведь речь не идет уже просто о повышении заработной платы. Нет, тут разговор о целом направлении промышленного развития, о повороте в экономике, о глубоких социальных проблемах. Хватит, довольно! Сыты по горло хозяйскими спекуляциями, надувательством на помощи и кредитах, его откровенным паразитизмом и его химерическими проектами, доживающими лишь до первого легкого кризиса! Этот ловчила одной рукой выжимает доход из своих рабочих, а другой — урывает деньги из городского бюджета. Что нам действительно необходимо, так это изменение всей структуры нашей отрасли, планирование производства, специализация даже на таких задворках промышленности, как наш заводик... Короче, тут без политических поворотов не обойтись... Вот таким манером и мы, решившись на «микрозабастовку», из потемок безвестности неожиданно выбрались на жестокий свет национальной арены, где трудящиеся ведут борьбу за коренное разрешение экономического и политического кризиса.

И тут ты замечаешь — и это третье обстоятельство, — что кое-кто пристроился так, чтобы с удобством стрелять тебе в спину. У этих стрелков классовым сознанием и не пахнет, о «политике» они и слышать не хотят и все, как один, твердят, что «нам дела нет до какой-то там отрасли, дайте нам побольше денег, вот и весь разговор». И, наоборот, есть такие, что только и твердят о своем «железном классовом духе»; они митингуют круглый день и кричат, что именно мы и именно здесь должны окончательно зарыть в могилу мировой капитализм, покончить и с хозяином, и с заводом; мы, дескать, начнем, другие подхватят, и тогда быстро наступит Общий Крах Системы. Между первыми и вторыми подвизаются теоретики движения «Работа — нет, деньги — да!»; план у них такой: финансовая помощь должна оказываться не хозяину и не заводу, а всем, тогда и будет настоящий социализм. Все три группы, каждая по-своему, обвиняют профсоюз в уступках, компромиссах и сговоре с «системой», устраивают «дикие» забастовки (без или против решения профсоюза. — *Примеч. перев.*) и по три раза на день выдвигают новые, свежеиспеченные требования. Завтра же, можно быть в этом уверенным, они обнаружат, что их главный враг — профсоюз, и «в знак протеста» станут... штрейкбрехерами.

В общем, если тут, в этом споре, и не нужно быть героем, то голову на плечах иметь необходимо; без понимания ситуации и у нас на заводе, и в отрасли, и во всей национальной экономике, и даже, если хотите, вообще положения в мире, в

этой забастовке делать нечего. Без этого ни требования точно не сформулировать, ни убедить пятьдесят довольно запутанных голов в том, что вот это требование будет уже перебор, а вот от этого отказываться никак нельзя, а самое главное, без такого понимания не попасть в ногу с общей борьбой, куда более сложной и масштабной, чем наша, — за социальное и политическое развитие страны. Тут уж у кого хочешь голова начинает дымиться: а может, и в самом деле микропроблемы сложнее макропроблем, а забастовка металлистов «легче» нашей, на заводике в пятьдесят человек?!

Ладно, не герой, согласен. Но начать с того, что я нынешней ночью и голову к подушке не прислонил, всю ночь шло заседание. Главные проблемы мы решили, на бумаге, конечно, довольно быстро, оставалась одна, второстепенная, из-за которой мы спорили до хрипоты. «Как организовать общественное мнение?» — вот эта проблема. Ведь даже если забастовка удастся по всем статьям, а ее никто не заметит, если о ней не узнает столица, то тогда к чему она вообще? Хозяин сядет на телефон, выклянчит под долги и волнения рабочих еще один кредит, угрожая своим политическим друзьям ликвидацией завода, а тем самым созданием еще одной «социальной проблемы» для них; получив же заем, он проглотит его, как прежние, и все пойдет по-старому. О переориентации производства, о планировании, о каких-либо изменениях в отрасли и говорить тогда не придется.

Организовать народ в нашем районе будет нетрудно: листовки, хождение по квартирам, демонстрация, митинг... Но как и чем пронять столицу, полную соблазнов, неврастеническую и занятую лишь собой и своим суперкризисом? Одни предлагали устроить марш в центре города с плакатами и автомобильными клаксонами, другие настаивали на барабанах, третьи уверяли, что нет ничего эффективнее палатки, разбитой перед самым парламентом, четвертые требовали привлечения женщин в качестве ударной силы, пятые — за блокирование уличного движения, как будто оно и само по себе без нашей забастовки не останавливается, шестые — за посылку делегаций к разным правительственным дворцам, будто не бродят там их целые тучи; седьмые говорили, что необходимо найти какой-нибудь ход на радио и телевидение, «задействовать» и частные каналы. Но это задача непростая — пробиться к «массовым коммуникациям», привлечь к себе внимание публики, отупевшей от беспрерывного потока новостей. И так всю ночь, предложение за предложением, с перебивкой на дежурную шутку, слишком глупую, чтоб быть предложением провокаторов: «Вот если б нам удалось устроить хорошую заваруху...»

Кстати, это еще одна забота: провокаторы. Только и гляди, чтобы не пробрался такой на завод и не натворил бы бед, только и гляди, чтобы какой-нибудь молодец не начал бить стекла витрин во время демонстрации или не напал во имя «мировой революции» на полицейского... Короче, надо смотреть в оба и за ними, а не только за каким-нибудь ретивым комиссаром сил общественной безопасности, которому везде мерещатся «подрывные элементы», а потому он каждую секунду готов опоясаться трехцветным шарфом и именем закона и под угрозой применения оружия приказать очистить общественное место.

Еще одно дело: обеспечить сохранность завода и оборудования. И еще: решить, как разговаривать с высокопоставленными чиновниками, которые, щеголяя своим служебным усердием, не преминут к нам заявиться; решить, как говорить с теми рабочими, которые по тем или иным причинам не захотят бастовать. На заседании были и такие предложения — выставить свою охрану у ворот, может, даже с палками, перекрыть ворота машинами, но разве таким принуждением воспитаешь сознание? Говорить, уговаривать, убеждать, разъяснять, доказывать...

С другой стороны, не будем преувеличивать и строить из себя больших молодцов, чем мы есть на самом деле, мы вовсе не одиноки: с нами областной и национальный профсоюз отрасли, нас поддерживает объединение профсоюзов. Наш «вопросик» не повис в воздухе, не остался в тени больших проблем столицы и национальной экономики. Пусть несколькими строчками — а скольких мы заслуживаем? — но он вошел в объемистые досье, в проекты и планы, которые разрабатываются силами куда покрупней нашей. И судьба нашего завода включена пунктом в требования забастовок всей нашей отрасли и даже общенациональных забастовок. Из-за нас, и этого не стоит исключать, в один прекрасный день может остановиться вся национальная жизнь... Значит, и мы тоже в конце концов «против гигантов»?..

Сколько переговорено за прошедшие дни, сколько споров, собраний — и откровенно занудных, и откровенно бурных и бесконечных, сколько бумаг, сколько слов, телефонных звонков и снова слов, и сколько опасений... И вот сирена! Ее дал один наш товарищ в обычное время начала рабочей смены, и, хотя она была в общем-то не нужна, с ней все же как-то лучше: она наш вызов и наш отказ подчиниться. Распахнуты в ироническом гостеприимстве ворота. С запозданием (что это — расчет, осторожность, неуверенность?) появляются три (три!) представителя администрации (это меньше, чем мы рассчитывали). Их машины въезжают на территорию завода, и по кузовам звенят кем-то с насмешкой брошенные монетки. Около ворот десяток колеблющихся («Сам знаешь, жена, дети...»). Мы говорим с ними, и мы вместе с ними уходим в город на собрание, и ворота автоматически, тихо закрываются за нашими спинами.

Но вскоре мы решаем вернуться и заставляем вновь открыть ворота: мы передумали — решили провести митинг прямо на заводе. Пусть хозяин увидит, что мы вовсе не «отлыниваем» от работы, что дело даже не в деньгах; мы хотим, чтоб весь этот перекореженный заводик, вся эта перекореженная отрасль, вся эта перекореженная экономика были переделаны, перестроены, чтоб налажено было настоящее эффективное производство, чтоб работа и жизнь стали равноправнее и справедливее. Митинг не только дебаты, но и непрерывно поступающие сообщения: должны скоро подойти делегаты, ведущие переговоры, по телефонным проводам постоянно поступают сообщения, предупреждения, предложения... Узнаём, что один важный туз из объединения промышленников сказал, обращаясь к друзьям: «Ну уж если *эти* бастуют...» Он хотел сказать, что, если и мы, пятьдесят, с заводишка, который не поймешь, где находится, то ли в городе, то ли в деревне, если даже эти, вообще как бы несуществующие, бастуют, значит, стычка и в самом деле будет серьезной...

Как все это закончится, мы узна́ем лишь вечером: пока твердо знаем одно: наша проблема не сама по себе, мы лишь малая часть общего и, если не решить все это общее, никакие местные решения ничего нам по-настоящему не дадут... Но не в этом ли и наша сила: быть услышанными и увиденными как часть большого целого. Мы частица рабочего фронта, который в конце концов сможет разрешить этот чертовски запутанный клубок проблем. И если в этой первой нашей забастовке нас услышали, значит, мы выросли в настоящих рабочих.

Случается и так, что о нашей борьбе пишет не только левая пресса, но даже и какая-нибудь солидная буржуазная газета. Случается и так, что она не без удивления замечает: «...Согласно хорошо информированным источникам в общем-то не исключено, что завод «Ламинати Пластичи» может быть ликвидирован для устройства на его месте супермаркета...»

Перевел с итальянского
С. РЕМОВ





РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

Иэн ДЖЕК,
английский журналист

2 января этого года рабочие государственной сталелитейной компании «Бритиш стил корпорейшн» объявили забастовку. В начале февраля она распространилась и на частные заводы. Длившаяся три месяца всеобщая стачка английских металлургов, первая с 1926 года, была ответом на антирабочий курс правительства консерваторов, на его попытки «обуздать» профсоюзы с помощью новых драконовских законов и «оздоровить экономику» за счет массовых увольнений и укрепления позиций частного капитала.

Знакомясь с обильной информацией об этой стачке, мы намеренно остановились на зарисовке из буржуазной газеты «Санди таймс». Подтекст ее традиционен, если не сказать банален, для подобных органов печати: рабочие, мол, обеспечены, чего им неймется?.. Но в данном случае автор дает возможность самим рабочим ответить на этот «сакраментальный» упрек. И они отвечают...

Все мужчины семейства Рейнольдсов, если не считать Джона, — сам старик Джек Рейнольдс, уже вышедший на пенсию, его сыновья Оуэн и Патрик и их взрослые сыновья, — так вот все три поколения мужчин в этом семействе связали свою жизнь с металлургическими заводами Южного Уэльса. Только Джон завел свое дело — ночной клуб неподалеку в Суонси и, говорят, процветает в отличие от своих старших братьев, Оуэна и Патрика.

Джек Рейнольдс пошел четырнадцатилетним пацаном на лудильный завод в родном Порт-Толботе. Это было в 1920 году. В таком же возрасте на тот же завод поступил его старший сын, Оуэн. Это было в сорок втором. Элан, сын Оуэна, встал рядом с отцом у прокатного стана шесть лет назад. Сегодня[1] пошла одиннадцатая неделя, как отец и сын не получают зарплаты: они бастуют. Причем, как бы ни кончилась забастовка, обоих ожидает увольнение, и они это знают.

[1] *Очерк появился в «Санди таймс» 9 марта этого года. — Здесь и далее примеч. ред.*

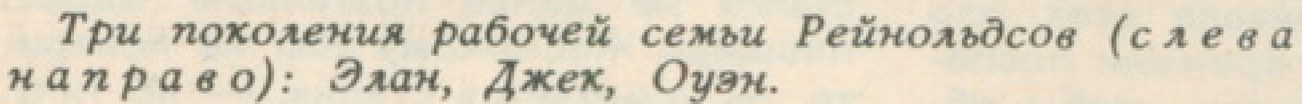
В Порт-Толботе на «Бритиш стил корпорейшн» работают одиннадцать с половиной тысяч человек. Компания объявила, что их число придется сократить почти наполовину. По всему Южному Уэльсу увольнение грозит двенадцати тысячам металлургов. Но эта беда, если она произойдет, металлургами не ограничится. Начнется цепная реакция увольнений в отраслях, которые зависят от сталелитейной промышленности, и тогда в очереди за пособием по безработице прибавится еще от пятидесяти до ста тысяч человек. В Южном Уэльсе только и разговоров, что о неизбежной «деиндустриализации» и возврате к отчаянию и лишениям двадцатых и тридцатых годов.

Само название того исторического кризиса — «великая депрессия» — отражало его характерную черту: пассивность, спад. Людям пожилым те времена вспоминаются больше как период вынужденного безделья, чем бурных выступлений. Зато сегодня сколько-нибудь серьезное покушение на жизненный уровень рабочего чревато иной реакцией.

Джек Рейнольдс хлебнул на своем веку горечи изрядно, а все ж тоскует по былому. Я спросил, как отрази-



Три поколения рабочей семьи Рейнольдсов (*слева направо*): Элан, Джек, Оуэн.





лось пережитое на его политических убеждениях, превратило ли его в социалиста. Старик съехидничал: «Нет, в роялиста».

Его сыновья называют себя «социалистами, идущими по середине дороги», то есть умеренными. Я нашел их интересными, умными собеседниками, мыслящими трезво и без предубеждений. Скажем, они достаточно терпимо относятся и к королевской семье, и даже к некоторым консерваторам.

Зато куда деваются их мягкий тон и каламбуры, когда речь заходит о враге. При одном упоминании о Маргарет Тэтчер и министре промышленности Ките Джозефе вспыхивает настоящий пожар ненависти. То-то, вспоминают они, досталось Киту недавно, когда он наведался в Южный Уэльс: закидали его тухлыми яйцами, и поделом.

Патрик и Оуэн говорят, что позиция правительства в вопросе о металлургической промышленности сталкивает их с «середины дороги». И сталкивает не просто влево (то есть всего лишь к «политике»), а к чему-то отчаянному, а то и противозаконному.

«Мы не буяны, — говорит Патрик. — Отец учил нас быть вежливыми, относиться с уважением к другим людям. Но мы, боюсь, последнее поколение, которое воспитано в таком духе. Когда я говорю, что не будет бунта — пока, во всяком случае, — я имею в виду только мое поколение. Но я не могу говорить за молодежь. Посмотрите, что делается вокруг. Не забывайте, что мы каждый божий день своими глазами наблюдаем насилие. Оно нам с ложечки подается прямо в комнате, у телевизоров».

Патрик чувствует, что похожие настроения зреют во всем Южном Уэльсе. «Мне трудно описать это предчувствие, но я знаю, что прав. Это все равно что увидеть в пабе [1], где-нибудь в уголке, группу печальных людей. И не спрашиваешь их ни о чем, а знаешь: кто-то у них в семье только что умер... Я молю бога, чтобы Тэтчер слезла со своего боевого коня, пока не поздно».

Рейнольдсы живут в унылом районе домов-коробочек, выстроенных муниципалитетом после войны. Ковыряться в земле жители Порт-Толбота, как видно, не привыкли. Газоны и палисадники похоронены под асфальтом, чтобы было где ставить автомобили. Впритык к подъезду Оуэна стоит автомобиль с жилым прицепом. Эти машины и то, что есть в доме у Рейнольдсов и других рабочих, составляют предмет умиления для дам из шикарных пригородов Лондона: глядите-де, мы же говорили, что в Англии с бедностью покончено.

---

[1] *Паб (сокращение от public house) — пивная, бар, закусочная.*

В квартире Оуэна вы увидите цветной телевизор, телефон, светлую красивую мебель, зеркало в позолоченной раме (сувенирное изделие в честь одного успеха уэльских регбистов на международном турнире), бар, заставленный бутылками. У Патрика тоже есть бар. «Вы, чего доброго, решите, что в Порт-Толботе бар есть в каждой квартире», — смеется Оуэн. Я было так и решил.

«Увы, — говорит Оуэн, — все эти роскошества — так, пыль в глаза. И тают на глазах». Содержимое бара — то, что было недопито в прошлом году, когда Оуэн справлял юбилей свадьбы. Телевизор взят напрокат, автомобиль, увы, тоже. Оуэн в свои пятьдесят с лишком лет только начинает учиться вождению. Он работает в железнодорожном маневровом депо. Последние десять недель живет на заработок жены. Она занимается утомительным и однообразным делом — штампует металлические колпачки для бутылок виски.

«Вам может показаться, что я прилично обеспечен. Ну как же, вырастил детей, имею телевизор и радиолу. А если разобраться? Я не разгибаю спину с четырнадцати лет и что накопил — про черный день? Ноль целых, ноль десятых. Крыша над головой, и та мне не принадлежит».

Как он работает? Посменно, в разные часы дня и ночи, на двадцать восемь календарных дней приходится двадцать один рабочий. Картину он нарисовал, прямо скажем, невеселую. Ну хорошо, спрашиваю, но по сравнению с отцом-то разве вы не как принц живете? Его ответ, по сути, подытожил в нескольких словах теорию, изложенную недавно социологом профессором Питером Таунсендом в толстенной книге: «Любое поколение рабочих хочет жить лучше, чем предыдущее».

Он коротко изложил, так сказать, социальную историю семьи Рейнольдсов. Его дед был углекопом, но хотел уберечь сына от работы под землей и устроил парня на лудильный завод. Джек стоял на горячей прокатке. Гнул щипцами раскаленный металл, а самого холодный пот прошибал — так было страшно. Сын Джека, Оуэн, пошел было работать рядом с отцом, но тот сказал, как отрезал: завод большой, найдется для тебя занятие поинтересней. И Оуэн стал машинистом паровоза. Сын Оуэна, Элан, — весовщик. Хорошая работа, даже стул есть. Другой сын учительствует в школе.

Оуэн показал фотографию молодого человека, позирующего у маневрового паровоза: «Ваш покорный слуга в пятьдесят восьмом году. Ждет не дождется, что вот-вот из-за поворота выглянет обещанное процветание». И процветание вроде бы пришло, только вот ненадолго. В шестидесятых годах Оуэн, как и другие, стал неплохо зарабатывать[1], жизнь сулила ему долю более светлую, чем отцовская. В ту пору можно было и на развлечения не жаться особенно — приглашать гостей и ходить в гости, бывать в дансинге, путешествовать, ну, правда, не за границу.

Братья Рейнольдсы не желают мириться с тем, чтобы та пора так и осталась пиком процветания для рабочего класса Англии, чтобы в будущем рабочие довольствовались меньшим. Но разве, говорю, пятьдесят лет назад рабочие в Южном Уэльсе не довольствовались гораздо меньшим? Оуэн отвечает, что старая история не повторится. «Тогда были другие времена, по-другому все воспринималось. Если кругом одни нищие, то нищих вроде и нет. Только когда увидишь богача, хлопнешь себя по лбу: «Ба, да я же нищий!» А в те годы в Порт-Толботе богачами и не пахло».

Сегодня в каждом доме Порт-Толбота светятся телеэкраны, а на них сцены насилия, которыми так обеспокоен Патрик, перемежаются с кичливым показом богатства и удовольствий, кои богатство доставляет. Забастовщики и безработные коротают свои длинные дни, естественно, у телевизоров. Нашу беседу прервал приход мастера из телеателье. «Почините вы его, бога ради», — Оуэн кивнул на телевизор. По его тону было ясно, что ослепший экран того и гляди вызовет домашнюю революцию. А пока мастер копошился в телевизоре, из радиоприемника журчал монолог, уснащенный страстными придыханиями. Местная коммерческая станция «Суонси саундз» уговаривала всех, кто ее слышит, не теряя времени поспешить в магазин «Суонси», чтобы обставить свои комнаты «элегантной роскошью» от фирмы «Суонси».

Их детство в тридцатых годах прошло при свечах и керосиновых лампах. Те трущобы давно снесены. Еще в пятидесятые годы даже холодильник считался роскошью. Теперь братья признают, что не мыслят себе жизни без того, что у них есть.

Еще один пункт в наш список внесло поколение внуков Джека Рейнольдса: право иметь собственное жилье. Об этом праве много и горячо распространялась в предвыборных речах госпожа Тэтчер. Оуэн и Патрик живут в муниципальных домах и, даже если им придется сесть на пособие по безработице, смогут осилить квартплату — восемь фунтов стерлингов в неделю[1]. Но многие молодожены Порт-Толбота, обзаведясь собственным жильем в кредит, выплачивают по закладным сто пятьдесят фунтов в месяц. Такую сумму в случае перехода на пособие по безработице им не потянуть. Кое-кто из этих молодых людей поверил, что госпожа Тэтчер искренне печется о жилье для тех, кто в нем нуждается, и проголосовал на прошлогодних выборах за консерваторов. Они горько просчитались и теперь вне себя от обиды. «Достоинство рабочего человека» и «демократия владеющих имуществом» — пустые фразы для человека, потерявшего работу. Чем, кроме работы, он может подкрепить свое достоинство? А по закладным тем временем взыскивают. А платить нечем...

Все-таки 24-летний Элан не прочь влезть в долговую кабалу, только бы иметь собственное жилье. «Это же недвижимость, ее можно передать детям. Не поймите так, что я из снобизма ворочу нос от муниципальных домов. Но я хочу жить лучше, чем отец. Разве это не естественно?»

Дед Элана этими прожектами сбит с толку. Он-то, наслушавшись того, о чем мне говорили Патрик и Оуэн, начал опасаться, как бы в будущем не стало похуже, чем в его времена. «Э, в твои времена было совсем худо, папа, — говорит Оуэн. — Вспомни, как мы бедствовали».

«Зато как держались друг за друга, — не сдается старик. — Все за одного, все были как соседи». Он смотрит в окно. Там, среди растерзанных ветром пучков травы, торчит указатель: площадь Гойи. (Оуэну достался не менее поэтичный адрес: площадь Жасминов.) «Вы не поверите, — усмехается старик, — но типу, который проектировал наш район, дали за это орден Британской империи пятой степени».

Элан только что вернулся с дежурства в пикете на металлургическом заводе в Эссексе. Перед этим он неделю стоял перед воротами завода в Ширнессе. «Не поколошматили вас дубинками?» — спрашивает дед.

«Не просто дубинками, — отвечает Элан, — было похуже». Он видел, как рабочих швыряли наземь и избивали ногами. Элан не скрывает, что был потрясен этим побоищем.

Элана почти наверняка уволят по принципу: первым выгоняют последнего, то есть новичка. Он собирается отложить пособие по безработице на взнос за будущий дом. А как же с последующими платежами? «Попробую устроиться на новый завод Форда в Бриджэнде. Уж его-то не закроют». Элан слышал, что завод набирает две с половиной тысячи рабочих. А желающих пятнадцать тысяч.

Перевел с английского
Б. КЛИМАНОВ

---

[1] *В те годы в Англии, как и в ряде других развитых капиталистических стран, наблюдалась сравнительно благоприятная конъюнктура, и правящие классы пошли на кое-какие уступки в удовлетворении требований трудящихся. Однако уже в начале 70-х годов начался кризис, ударивший прежде всего по рабочему классу.*

[1] *Фунт* ≈ *1 рубль 50 копеек.*



ХРОНИКА ОДНОЙ СТАЧКИ

Евгений БОВКУН,
корреспондент АПН — для «Ровесника»

Черная решетка заводских ворот с налипшим на нее мокрым снегом чуть поблескивает, освещенная дзумя прожекторами. Один из них установлен на территории завода, где-то наверху. Другой — снаружи, на полицейской машине. Лучи их скрещиваются над воротами, подсвечивая надпись «Адлер». Это одно из предприятий металлургического концерна «Хёш» в Дортмунде. Вдоль забора укреплены большие белые щиты с надписью: «На этом предприятии бастуют». У проходной шумно. Чуть поодаль, не вылезая из машин, за происходящим наблюдают полицейские. От одной группы к другой то и дело переходит невысокий плотный мужчина в желтой каске и «парке» — непромокаемой штормовке.

Его зовут Гюнтер З. Он сталевар, член забастовочного комитета. Ему 37 лет, 13 лет из них он работает у «Хёша». Неплохо зарабатывая, он копит на собственный домик. Поэтому денег хватает лишь на самое необходимое.

С Гюнтером З. мы разговаривали на второй день забастовки: бастовали сорок тысяч металлургов западногерманской земли Северный Рейн-Вестфалия. Гюнтер сказал, что ведет дневник. Спустя несколько недель, когда стачка закончилась, я получил возможность ознакомиться с этими записями. С одним условием — изменить название завода и скрыть фамилию автора. Я выполнил это условие, и вот перед вáми хроника одного стачечного боя. Я буду сопровождать ее лишь самыми необходимыми пояснениями.

20 октября. Похоже, без забастовки не обойтись. Вчера заседала большая тарифная комиссия профсоюза «ИГМ Металл». Решено требовать сокращения рабочей недели с 41 до

35 часов[1]. По этому поводу поспорили с Отто Кункелем, пожилым рабочим из нашего цеха. Он считает, что комиссия поторопилась. После смены зашли с ним в «Стальной уголок», к тетушке Труде, пропустить по кружке пива, и он принялся мне втолковывать... Мол, сокращение рабочей недели на пять-шесть часов нереально, экономика и так скрипит. И мы, сталевары, «только вымараем собственное гнездо». Дескать, такого еще не требовал ни один профсоюз. Предприниматели никогда на это не согласятся. Вполне достаточно потребовать повышения зарплаты.

Не спорю, наше требование может кому-то показаться чересчур смелым. Но дело даже не в условиях труда. Нас другое допекает. Я напомнил Кункелю, что за последние несколько лет в нашей отрасли «сгорело» сорок тысяч рабочих мест. Через три-четыре года все из-за той же «рационализации» будут ликвидированы еще тысяч пятьдесят мест. Если же сократить рабочую неделю всего на два часа, как писали в профсоюзных листовках, можно избежать увольнения тридцати тысяч рабочих... Но Отто Кункеля цифрами не проймешь. У него один ответ: «Чепуха!»

(Сталевары — одна из наиболее обеспеченных категорий промышленных рабочих в ФРГ, однако длительный кризис в этой отрасли создает постоянную угрозу занятости. Только в Дортмунде за два последних года уничтожено тридцать тысяч мест. Литейщики ФРГ забастовали впервые за многие годы: последняя стачка сталеваров состоялась в довоенной Германии в 1928 году.)

24 октября. Опять спорили с Отто у тетушки Труде. На этот раз он не кричал. Притащил свежий номер «Хандельсблат» и заставил меня прочесть заметку на первой полосе. Союз «Айзен унд Шталь» считал, что требование о любом сокращении рабочей недели «не может быть предметом переговоров» с профсоюзами.

(«Хандельсблат» — экономическая газета, рупор стальных промышленников. «Айзен унд Шталь» — союз работодателей той же отрасли.)

3 ноября. Как ни упирались хозяева, а пришлось-таки им сесть за стол переговоров. Сегодня они выдвинули свое предложение: прибавка к зарплате — 2,1 процента и два дня — к отпуску. Профсоюз на это не согласился, и переговоры перенесли на 7 ноября. Штукман (он из руководства нашего профсоюза) сказал, что есть предложение включить меня в забастовочный комитет, если «ИГ Металл» объявит забастовку.

[1] *В СССР в зависимости от характера труда рабочая неделя в металлургической промышленности может быть и 24, и 26, и 30, но не более 36 часов. — Примеч. ред.*

7 ноября. Отто Кункель оказался прав в одном — предприниматели на уступки идти не собираются. Они заявили, что вести дальше переговоры бессмысленно. После работы Кункель собрал в «Стальном уголке» целую группу таких же, как он, сторонников «черного Коля», за которого он голосовал на выборах. Они затеяли шумный спор с молодыми парнями из КБВ, которые доказывали, что нужна партизанская война, и предлагали рабочим занять предприятие.

(«Черный Коль» — Гельмут Коль, председатель ХДС, лидер оппозиционного блока; «черными» нередко называют христианских демократов.

КБВ — одна из маоистских организаций, члены которой, в основном студенты, пытаются искать сближения с рабочими и подталкивают их на экстремистские выступления.)

10 ноября. Штукман передал мне кипу листовок с обращением правления «ИГ Металл». Я должен раздать их рабочим нашего цеха. Представил себе, какую рожу скорчит Кункель, когда я заставлю его прочесть, что тут написано: «Готов ли ты бастовать за сокращение тарифного времени рабочей недели до 35 часов с полной компенсацией в зарплате и за увеличение заработной платы на 5 процентов?» Кункель сунул бумагу в карман молча, не читая. Похоже, он знал ее содержание. Интересно, как он проголосует? Листовки с ответами рабочих надо вернуть Штукману до 20 ноября.

21 ноября. На «Адлере» за проведение забастовки проголосовало 70 процентов. По всей сталелитейной промышленности процент еще выше — 85. Забастовка назначена на двадцать восьмое. Кункель голосовал против.

27 ноября. Союз «Айзен унд Шталь» объявил, что с 1 декабря против бастующих будет применена крайняя мера — локаут.

(Локаут означает увольнение на период забастовки. Уволенные лишаются не только зарплаты, но и права на пособие по безработице.)

28 ноября. В три утра меня разбудил Штукман. С усилием пропихнув в себя бутерброд, я выпил несколько глотков кофе и помчался к проходной «Адлера». Остальные пикетчики — Рюбеманн, Хольц, Вайскирх и Бремер — уже были там. Они притопывали ногами и потирали руки. Подмораживало. Забастовочный комитет решил выставить первые пикеты задолго до начала утренней смены, чтобы не допустить на завод штрейкбрехеров. К половине шестого собралась вся смена. «Адлер» еще был погружен в темноту. Светил только один прожектор.

У проходной скопилась приличная толпа. Подошли другие пикетчики, жены рабочих и просто любопытные. Откуда-то явились музыканты. Стало веселее. Без четверти десять прикатили баки с горячими сосисками. Народу все прибывало. Появилась полиция — две машины с громкоговорителями и десятка два полицейских. К одиннадцати мы соорудили небольшой помост и открыли митинг.

— Локаут — это провокация! — заявил Штукман. — Нас хотят запугать. Но тот, кто пытается расколоть нашу солидарность словно орех, скорее поломает себе зубы.

29 ноября. С раннего утра у ворот собралась толпа. На этот раз было много журналистов. Продолжали дискутировать под молчаливым надзором полиции. В полдень маршем прошли по пустынным цехам.

30 ноября. Обходил квартиры рабочих. Все-таки с женщинами трудно найти общий язык. Одна, например, заявила мне: «У нас все хорошо. Муж зарабатывает прилично. Мы каждый год ездим в отпуск. Нам 35-часовая неделя не нужна». Она уверена, что ее мужа силком заставили принять участие в забастовке. Похоже, муж никогда не заводил с ней разговоров о своих производственных делах. Думаю, просто не хотел расстраивать. То-то она удивилась, когда я ей рассказал об увольнениях в нашей отрасли. Своей жене я тоже стараюсь понапрасну не портить нервы. Пусть уж у меня одного сосет под ложечкой: попаду или нет под очередные увольнения «в связи с рационализацией»?..

1 декабря. Предприниматели выполнили угрозу — применили локаут. Уволены десятки тысяч рабочих с заводов Тиссена, Маннесмана, Круппа, Хёша.

У ворот «Адлера», рядом с помостом, мы соорудили из фанеры и папье-маше макет коксовой печи. Здесь зачитываются послания солидарности от бастующих коллег и всех, кто поддерживает нас морально и материально. Штукман огласил письмо рабочей группы социалистического бюро, левой организации, близкой к профсоюзам: «...направляем вам чек на тысячу марок, деньги из нашего фонда рабочей солидарности».

В городе наша забастовка напоминает о себе в самых неожиданных местах. Молоденькие продавщицы нацепили на отвороты белых передничков значки-плакетки «Нет — локаутам!». В пешеходной зоне торгового центра мусорщики прямо на своих оранжевых грузовиках съехались на митинг солидарности с нами. На многих домах висят плакаты с лозунгами нашего профсоюза. К началу торговли над прилавками крупных универмагов висели листовки — обращения к покупателям: «Пожалуйста, не сердитесь, что в течение 10 минут мы не будем вас обслуживать. Мы делаем это в знак солидарности с бастующими». Висели и другие объявления — от имени хозяев: с угрозами уволить всякого, кто посмеет высказать солидарность

с нами. Как будто их служащие — крепостные!

3 декабря. У фанерной «коксовой печи» почти непрерывно гремит музыка. Сначала спартаковцы, члены молодежной организации компартии, разыгрывали пантомиму, изображая, как предприниматели наживаются на труде рабочих. Потом прогрессивное издательство «Плене-ферлаг» представило свою новую пластинку — песни на слова Брехта в исполнении Гизелы Мей, певицы из ГДР. После этого мы принимали гостя из Италии. Франко Тринкале приехал из Сицилии специально, чтобы передать нам привет от своего профсоюза УИЛ. Он пел под гитару.

4 декабря. Тринкале выступал в «Стальном уголке». Народу набилось — не продохнуть. Официант из соседнего бара, Луиджи, переводил почти синхронно. Франко пел о своих товарищах в Сицилии, которые в этот самый момент бастовали на заводах «Альфа-Ромео».

5 декабря. Предприниматели решили найти «политического посредника», который смог бы сблизить позиции бастующих и работодателей. Им стал Фридхельм Фартман, министр труда Северного Рейна-Вестфалии.

6 декабря. Теперь каждое утро у «коксовой печи» зачитываются послания и сообщения о ходе забастовки в других городах.

В полдень привезли баки с гороховым супом. Не то, что копченой грудинки — обычного сала там было негусто. Что поделаешь — забастовка, как и искусство, требует жертв. Обиднее всего за наших детей. Завтра утром они будут искать у порога подарки Санта Клауса и найдут сущие пустяки...

7 декабря. Забастовка длится десятый день. Конфликт разгорается. Крумм говорит, что концепция «социального мира» и «партнерства», которую тридцать лет выращивали в теплице нашего «свободного» рыночного хозяйства, чахнет на глазах.

12 декабря. Поздно вечером зашел Крумм. Завтра идем по городу расклеивать листовки коммунистов. Я хоть и социал-демократ, но считаю, что дело стоящее. Тем более что моя партия никакие листовки пока не печатает. Попросил Крумма об этом не очень распространяться. За участие в одной акции с коммунистами могут исключить из партии.

15 декабря. Работодатели заговорили на более жестком языке. Они решили прибегнуть к «бессрочным увольнениям». Это гораздо хуже локаута; тебя уже насовсем выбрасывают за ворота, а не на время забастовки.

21 декабря. Нас не забывают. У «коксовой печи» вручали продуктовые пакеты солидарности, полученные из Баден-Вюртемберга. Двое парней укрепили над воротами новый транспарант с изображением кулаков, закованных в цепи. В десять к проходной пожаловал сам директор.

— Господин Хорн, — сказала ему одна из женщин, — вы, наверное, добрый христианин. Вы не боитесь, что настанет день страшного суда, когда вам придется держать ответ? Ведь локаут — это грех. Неужели вы допустите, чтобы он остался на вашей совести?

Директор, судя по его хмурому виду, решил допустить...

22 декабря. Толпа, собравшаяся у ворот «Адлера», разбилась на две большие группы. Одни слушали евангелического пастора Хайнца Листемана, другие католического священника Карла-Питера Клузмана. Листеман молился за успех забастовки. Клузман предостерегал от необдуманных действий.

24 декабря. Ночь под рождество. Елку поставили возле проходной. Нарядили чем бог послал. Тут же, на улице, праздновали рождество. Многие пришли с семьями. Я тоже был не один — жена привела старшего сына. Чтобы согреться, бегали вокруг елки, плясали и пели. Но забастовка есть забастовка, и пикеты стояли всю ночь. Четыре тысячи пикетов по всему Руру. Говорят, такого еще не было.

30 декабря. Посредник внес «новое» предложение двухнедельной давности: увеличить зарплату на четыре процента в течение пятнадцати месяцев и добавить три дня к отпуску. «ИГ Металл» решил продолжить переговоры на этой основе. Похоже, наши профсоюзные боссы начинают выдыхаться.

4 января. Новый год начался безрадостно. Если бы не посылки, пришлось бы совсем несладко.

Сегодня на «Адлер» прибыл какой-то важный гусь. Пикетчики хотели его задержать, но у него оказался специальный пропуск, заверенный профсоюзом. Зачем он приехал, неизвестно. Вероятно, привез инструкции директору.

Вечером узнал, что наши хозяева обсуждали сегодня так называемый «каталог табу» — тайный кодекс поведения предпринимателей в отношении профсоюзов. В числе запретов там есть и такой: ни в коем случае не соглашаться на сокращение рабочей недели. Видно, за этим и приезжал на завод сегодняшний гость.

5 января. «Каталог табу» — уже секрет Полишинеля. О нем говорят все. Предприниматели готовы удовлетворить наше требование о повышении зарплаты, но не соглашаются на сокращение недели. И не согласятся...

У ратуши состоялся митинг солидарности. Выступали представители разных городов. Площадь оцепили полицейские. Они стояли даже на крышах. Некоторые безостановочно щелкали фотоаппаратами с мощными телеобъективами.

11 января. Появилось новое выражение: «вступление в 35-часовую рабочую неделю». Что оно означает, объяснил Штукман:

— Нам важно добиваться от предпринимателей принципиального согласия на сокращение рабочей недели хотя бы в будущем, ведь его можно осуществлять и поэтапно. Сделать первый шаг на этом пути — уже победа.

Предприниматели пошли на уступки. Пошел на уступки и профсоюз, признав, что прибавку лишних дней к отпуску можно расценивать как первый шаг к 35-часовой неделе. О «каталоге табу» на переговорах стараются не упоминать. В доме покойника не говорят о болезнях.

12 января. Ко мне пришел Кункель. На нем не было лица. Уволен «бессрочно». Причина — «нарушение дисциплины труда». У него на рабочем месте администрация обнаружила листовку с призывом «ИГ Металл» противиться произволу предпринимателей, выступать против локаута. Наконец-то он, кажется, понял, что гусь свинье не товарищ.

— Каким же я был идиотом, — сказал он. — Поверил этому Шниттке!

Шниттке — председатель наблюдательного совета, который состоит из представителей дирекции и рабочих нашего завода. По идее, рабочие через этот совет вроде бы участвуют в управлении заводом. Но перевес на один, председательский, голос, как и повсюду, на стороне дирекции.

— Он ведь говорил, что меня непременно надо ввести в наблюдательный совет, — сокрушался Кункель. — Теперь все понятно. Он воспользовался мной, чтобы выуживать какую-то информацию о наших планах. А потом сам же и донес на меня.

13 января. «Бессрочные увольнения» обрушились на многих. Уволили Крумма, Вайскирха, Рюбеманна, Бремера и других. Меня тоже. Всех главных «нарушителей мира на предприятии». Правда, Штукмана и других профсоюзных лидеров не тронули.

У проходной устроили небольшой митинг. Крумм сказал: «Забастовка фактически кончилась. «ИГ Металл» добился принятия некоторых наших требований, хотя наши профсоюзные боссы, видимо, не хотели, чтобы конфликт заходил слишком далеко. Что касается нас, то борьба продолжается».

15 января. Договорился с Отто пойти вместе на биржу труда. Пособие по безработице нам не положено, но право искать работу у нас еще не отняли.

Кёльн — Москва





Сверкер ТЮР: ДЕЛО ЖЕ НЕ ТОЛЬКО В ДЕНЬГАХ. МЫ ДУМАЕМ О БУДУЩЕМ ШВЕДСКОГО ЛЕСА.



Ивар ЮЛИПЭ: РАЗ УЖ МЫ ЗАБАСТОВАЛИ В КОИ-ТО ВЕКИ, ТО НЕ ОТСТУПИМ.



Вейне ЯКОБСОН: НАС СОСТАРИЛА РАБОТА.

«ЛЕСНЫЕ БУНТАРИ»

Арвид РУНДБЕРГ,
шведский писатель —
для «Ровесника»

Многие годы буржуазная политэкономия и социология превозносили Швецию как образец некоего «среднего пути», примиряющего капитализм с социализмом, работодателей с рабочими. Сказочка о «классовой гармонии» в Швеции была фальшива всегда (для примера: процент забастовщиков в 70-х годах был в этой стране выше, чем, допустим, в ФРГ, Нидерландах, Австрии, Швейцарии). Но ее несостоятельность проявилась особенно наглядно в первой половине мая этого года, когда шведская экономика была на две недели парализована стачкой, в которой участвовало около миллиона человек. Этот невиданный в истории Швеции классовый конфликт завершился победой трудящихся, добившихся удовлетворения своих требований. Назревал он постепенно, и можно смело сказать, что события, описываемые в публикуемом очерке, были своеобразной прелюдией к грандиозной майской стачке.

Тишина — редкостное удовольствие для жителя Стокгольма. Я стоял и наслаждался тишиной. Передо мной расстилалась закованная в лед река. С обоих берегов ее обступал сосновый лес, кое-где изуродованный проплешинами вырубок. На вырубках громоздились горы бревен. Неокоренных, то есть в своей природной одежде — коре. Это значило (меня уже просветили), что их увезут отсюда посуху, грузовиками. А вон те, голые, окоренные, скатят в реку, когда она вскроется.

Я постоял еще среди молчаливого леса, у молчаливой реки. Но эта тишина не может радовать долго. Даже стокгольмца. Потому что она вынужденная. Забастовали рабочие лесоповалов. Мне было трудно вообразить, что такая же тишина царит в этот момент во всех лесах Швеции, от Заполярья до южного побережья. Но я знал, что это так. Об этом причитали все буржуазные газеты.

Еще бы, всеобщая забастовка лесорубов — вещь у нас неслыханная. Сенсация уже в том, что умудрились сговориться и организованно, синхронно бросить работу люди, живущие в поселках, деревнях и на хуторах, которые разбросаны в таких дебрях, где черт ногу сломит. Но главное — удар пришелся по самому чувствительному месту нашей экономики. Вмиг «вспомнили», что лесопромышленность зарабатывает для Швеции семнадцать миллиардов крон каждый год на экспорте. И к тому же полностью обеспечивает внутренние потребности в древесине, бумаге и прочем, так что тратиться на покупки этих продуктов за границей не приходится. Короче, лесная промышленность, бесспорно, наше любимое дитя, без которого нам просто не прожить, и переполох поднялся невообразимый.

Надвигался сплав, а сплавщики забастовали тоже. Для себя они ничего не требовали, сказали, что не выйдут на работу, только чтобы не подводить своих товарищей-лесорубов. И еще сказали, что никаких посторонних «добровольцев» к своим штабелям леса не подпустят.

К лесорубам одной из северных областей Швеции я приехал, уже вооруженный кое-какими знаниями. В основном статистикой такого рода. В лесной промышленности Швеции занято пятьдесят тысяч человек, по большей части крестьян, владеющих половиной всех лесных угодий. Среднее и зажиточное крестьянство объединено в картели и тресты, действующие, как заправские капиталистические предприятия, использующие наемную рабочую силу, экспортирующие свою продукцию, ведущие банковские операции, и т. д. Третья часть лесов принадлежит крупным компаниям и двадцать процентов — государству, которое, будучи капиталистическим, строит свои отношения с рабочими на том же грабительском принципе, что и частные хозяева: побольше взять, поменьше дать.

И наконец, последняя категория причастных к лесоразработкам, это люди, не владеющие ни единым деревцем, ни клочком земли, ни, как правило, хотя бы жильем. Пролета-

рии в первозданном смысле этого слова. Их примерно десять тысяч. Они составляют главную рабочую силу на обширных лесных пространствах Северной Швеции. Они-то и объявили стачку, о которой заговорила вся страна: кто с сочувствием, а кто с нескрываемой злобой.

«Мы хотим жить после пятидесяти лет, — прочел я на транспаранте, который держал пожилой рабочий Вейне Якобсон на митинге в городке Оселе. — Наше лекарство — твердый месячный оклад». Слово «жить» было подчеркнуто. Значит, понимать его надо было не в буквальном, узком смысле. На всякий случай я спросил:

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят семь.

Словно догадавшись, о чем я подумал, он сказал:

— Посмотрите вокруг. Они не так стары, как выглядят. Нас состарила работа.

Я посмотрел. Одно дело — читать, другое — видеть своими глазами... Пришла на память статистическая «деталь»: из семи шведских лесорубов до пенсионного возраста, 63 лет, доживает только один. Это, впрочем, не мешает нашему обществу называть себя «государством всеобщего благоденствия» и «социальной витриной свободного мира».

Главное требование лесорубов — избавить их от потогонной системы сдельщины, когда в счет идет каждый ствол, каждый кубометр, каждый сантиметр. Сдельщина на наших лесоразработках — хитрая штука. На посторонний взгляд все логично: хочешь заработать побольше, потрудись соответственно. Но расценки таковы, что материальный достаток оказывается недостижимым миражем. Некоторые понимают это слишком поздно и к пятидесяти годам выматываются и физически и душевно. Кто помудрее, не надрывается, махнув рукой на мечту о деньгах.

— Даже если я буду выкладываться, сколько, по-вашему, я заработаю? — продолжал мой собеседник. — Раза в два с половиной меньше, чем рабочий в городе. Вот мы и добиваемся твердого оклада в два раза выше, чем нынешние заработки, и сносных норм выработки. И никуда они не денутся, вот увидите, пойдут на наши условия. Все понимают: или теперь, или никогда.

В его голосе не клятвенный пафос. (Это было бы вполне понятно: только что промаршировали по улицам сейчас начнется митинг, настрой самый боевой.) Нет, в нем ожесточенность. Этих — очень терпеливых и неприхотливых — людей, довели до такого предела, когда они сказали: баста! И бросили работу наперекор центральному профсоюзному руководству, которое уже десять лет вело «игру по правилам» — бесплодные переговоры с работодателями. Бросили в самое неподходящее время, накануне весеннего лесосплава, что уж совсем непростительно, по мнению их «оппонентов» из контор компаний и буржуазных редакций.

Да, эта «дикая» забастовка нарушила кое-какие каноны, навязанные рабочему движению Швеции социал-демократами и профсоюзными реформистами. Это касается прежде всего решительного нежелания забастовщиков ссориться между собой из-за партийной принадлежности. И рядовые социал-демократы, и коммунисты действовали сообща. Забастовку намеренно объявили «независимой от политических партий», но тут же предупредили, что это не отменяет ее политического характера.

Я повидал много разных забастовок, но такого единодушия, как в этой, единодушия, питаемого решимостью отчаяния, не припоминаю. Факт, который не лезет ни в какие ворота: женщины-домохозяйки были горой за эту стачку. Мне рассказали о случаях, когда жены грозили разводом мужьям, которые начинали подумывать о выходе из забастовки.

А испытание оказалось не из легких. Забегая вперед, скажу, что забастовка длилась семьдесят дней. Десять недель! Причем, хотя готовились к ней серьезно (целый год вносили в стачечный фонд большие деньги), ее начали, так сказать, с пустым карманом. Центральное объединение профсоюзов Швеции подтвердило свое несогласие с забастовкой тем, что запретило трогать профсоюзные деньги.

Само собой, лесорубам не дали умереть с голоду. Рядовые рабочие в городах, не спросясь профбоссов, сами устроили по всей стране сбор средств для «лесных бунтарей». Но первое время, пока не подоспела эта помощь, забастовщикам пришлось туговато. Считали каждую копейку.

Возникла новая проблема. Большинство рабочих не имеют собственного жилья, а дома, которые они снимают, выплачивая за аренду половину заработка, принадлежат тем же, кому принадлежат леса, иначе говоря, тем, против кого они забастовали. Платить стало нечем. Грозила стопроцентно законная ответная акция со стороны домовладельцев — выселение по суду. И тут подоспела поддержка — фонд солидарности, собранный теми, кто только что бастовал сам: горняками, уборщицами, докерами, электриками.

А время шло. Лед тронулся. Тронулся и лес, который так заблаговременно свалили прямо на лед. Но лес не может приплыть к устью без помощи человека. На его пути пороги, электростанции. Надо направлять бревна в специальные обходные каналы. Работодатели попробовали последнее средство. Навербовали штрейкбрехеров и повезли их в автобусах на берега рек и речушек, в глухие леса. У меня было такое ощущение, что они и сами не верили в свою затею. Знали же, с кем имеют дело, с лесорубами. Но, должно быть, не хотели ломать традицию, что ли. В общем, по-моему, с их стороны имело место тупое, безнадежное упрямство.

Произошло то, что должно было произойти. По выражению одного из забастовщиков, Ивара Юлипэ, «классовая борьба вылилась в форму физического противоборства». Он сказал, что потом у лесорубов еще долго ныли натруженные суставы кулаков. «Хозяева могли бы догадаться, раз уж мы забастовали в кои-то веки, то не отступим», — сказал Ивар. Произошли инциденты и посерьезнее. Кое-где ночью «самовозгорелись» готовые к отправке штабеля леса. В иных местах неожиданно порвались боны — оградительные цепочки из бревен, которые не дают сплавляемому лесу плыть куда не надо, скажем, на плотину.

После лаконичного, бесславно закончившегося штрейкбрехерского раунда переговоры с лесопромышленниками пошли веселее. Подписание нового коллективного договора с лесорубами было воспринято всей рабочей Швецией как общая победа. Да, они добились всего, чего требовали и что многим в начале забастовки казалось недостижимым, — установления твердого месячного оклада и приемлемых норм выработки. А как раз этого добиваются и рабочие других отраслей. Теперь им легче: есть прецедент.

Лесоруб Сверкер Тюр сказал мне, что такой атмосферы товарищества он не видел за все годы работы на лесоповале.

— Знаешь, — рассмеялся он, — компании нам еще спасибо скажут за нашу забастовку. Ну, не скажут, так обязаны сказать. Молодежь ведь давно сбежала из леса. Рабочих рук не хватает. Лет за десять нас стало вдвое меньше. А теперь? Многие вернутся, когда узнают, что работать стало легче. Особенно молодежь. Вот и выходит, что мы же лесопромышленности помогли. А еще важнее, конечно, перспективное значение этой забастовки. Дело же не только в деньгах. Мы думаем о будущем шведского леса. По-моему, ясно на всех собраниях говорили: хватит хищничать, рубить без оглядки! Так, глядишь, внукам ничего не оставим. Надо не забывать о новых посадках, рациональнее вести лесное хозяйство.

Не сомневаюсь, что тревога рабочих за судьбу шведского леса, прозвучавшая во время забастовки, тронула и привлекла к ним симпатии многих далеких от политики людей. И кое-кто из них должен был заодно задуматься, кто был прав, а кто не прав в этом ожесточенном десятинедельном конфликте под названием «стачка». И за кем будущее.

Перевел со шведского
Б. СЕНЬКИН



НЕНОВЫЕ НОВЫЕ ВРЕМЕНА

«Новые времена» — так назывался фильм Чаплина о борьбе «маленького человека» против социальной несправедливости. Новые времена, похоже, наступили и для бродяги Чарли: лондонский муниципальный совет решил установить памятник Чаплину рядом с памятником другому великому англичанину, Вильяму Шекспиру. Не тут-то было. Заупрямился местный совет: неэстетично это, говорят, Шекспир и бродяга рядом. Короче, бронзовый Чарли все еще стоит в мастерской своего создателя, скульптора Джона Даблдея (его вы видите на снимке).

КТО, КРОМЕ КРААКЕРОВ

Рвались дымовые бомбы. Летели камни, вырванные из серой амстердамской мостовой. Баррикады взять не удалось, и две сотни полицейских обратились в бегство. Битву на этот раз выиграли краакеры.

Организация краакеров состоит сейчас из 10 тысяч молодых амстердамцев, имеет высший совет, штабы во всех частях города, пресс-центр и типографию и может мобилизовать по тревоге за 15 минут 200 человек. Они не грабят и не убивают, здесь «преступление» другого рода: краакеры заселяют пустующие дома: ремонтируют их, делают пригодными для жизни. Нигде земля не дорога так, как в древнем голландском городе, вот домовладельцы и совершают бесконечные сделки, они скупают и обмениваются домами, как филателисты марками, многие дома несколько раз за день меняют своих владельцев, цена растет каждую минуту. Но сами дома-то пустуют! А в это время в том же городе 150 тысяч человек мечутся в поисках крыши над головой. Только кого это волнует, кроме отчаянных краакеров?





ИЛИ РАБОТА, ИЛИ ЖИЗНЬ

Случись туристскому автобусу заблудиться и попасть на эту улицу, гид улыбнется: «Наша маленькая Анкара». Впрочем, такое случается редко: что делать благородному цивилизованному туристу в западноберлинском гетто, где ютятся турецкие рабочие, приехавшие сюда на заработки? Пресса любит поговорить о том, что «гастарбайтеры», мол, успешно входят в западную жизнь. Только вот факты: одной трети турецких детей так никогда и не удастся закончить школу, а их отцам лучше не соваться в клубы и кафе для «белых» — изобьют. «Так что, — признается «старожил» Западного Берлина Али Канкара, — работать здесь еще можно, но жить нельзя!»



«ЛУЧШЕ — НИКАКОЕ!»

Известный американский киноактер Уоррен Битти снимает сейчас фильм «Красные» о жизни американского писателя и публициста Джона Рида, автора книги «10 дней, которые потрясли мир». Битти и автор сценария, и режиссер, и исполнитель главной роли. В фильме снимаются и другие знаменитые артисты: Дайана Китон играет профсоюзного лидера Луизу Брайант, Джек Николсон — драматурга Юджина О'Нила.

«Лучше плохое паблисити, чем никакое», — гласит старая формула, по которой живут многие голливудские деятели. «Никакое все же лучше», — заявил строптивый Битти. Съемки идут в обстановке строжайшей секретности. «Я уже немало пострадал от бесцеремонности нашей прессы, — сказал актер. — И не хочу, чтобы злые языки трепали мое имя и имя человека, перед которым я преклоняюсь».





«АИДА» СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

Новую постановку оперы Верди осуществил итальянский театр... кукол. Традиционное либретто нарушено: течение оперы прерывается интермедиями, в которых неожиданно получают слово статисты — солдаты Радамеса, отправленные воевать во имя чуждых для них интересов. Солдаты, а затем и их генерал осознают, что они простые марионетки в руках властей предержащих. Этот нетрадиционный сценарий написан не сегодня, а в конце прошлого века, и играли по нему в «театре на конюшне», то есть в народном театре. Народ не допустил и трагического финала оперы: Радамес взрывает подземелье и выходит с Аидой на волю.

ДУШ ДЛЯ ДУШИ

Мужчины сидели на горе и пели:
Но вот сынишке исполнилось пять.
Сказал он: «Спасибо за мячик, папуля!
Пойдем поиграем? Научишь бросать».
Сказал я: «Сегодня я занят, сынуля.
И завтра я занят. И послезавтра. И послепослезавтра.
И послепослепослепосле...»

Мужчины пели и размазывали слезы по хорошо выбритым щекам.

Эта душераздирающая сцена произошла на шестой день 10-дневного «Антистрессового семинара для президентов фирм и менеджеров», состоявшегося недавно в национальном парке Банф в Канаде.

И то правда: бежали-бежали, локтями толкались, взобрались на самую верхушку лестницы бизнеса, отдышались... А снизу с укором глядят позабытые дети, жены, родители, друзья. А по ночам нет-нет да являются нехорошие воспоминания о тех, кого сами в гонке затоптали, обманули, предали. Всплывают старательно забытые понятия: честь, совесть, достоинство. Неприятные, согласитесь, воспоминания.

И пошли капитаны бизнеса позаниматься в семинар. Занятия ведутся на свежем воздухе. В программе: туризм, альпинизм, гляденье на звезды и разговоры о душе.

Стоимость обучения 1500 долларов. Но к чему счеты: заплатил за душ для души — и спокоен. Так что можно это предприятие и как вложение капитала рассматривать...







Акира Акидзуки. Аквариум.

ЯПОНИЯ:

Кора РУМИКО

Дерево

В стволе дерева —
дерево, которое еще не родилось.
Ветви его
раскачивает ветер.

В клочке неба —
небо, которое еще не родилось.
Горизонт его
рассекает крыльями птица.

Где-то в человеке —
человек, который еще не родился.
Тело его
живет материнской кровью.

В городе —
город, который еще не родился.
Площади его
машут руками прохожих.

Танки Сайто Фуми

Умолк древоточец,
Добравшись до середины
Возрастных колец ствола,
Больше ничто не тревожит
Тишины в оголенной роще.

Всю ночь напролет
Без устали дождь барабанил,
И чудилось мне —
В замшелую глубь столетий
Погружаются пол и стены...

Зеленый стебелек
Перчатку черную надел,
Оброненную кем-то, —
На каждом пальце расцвело
По желтому цветку...

Сжимается сердце
В предчувствии скорой зимы,
Но что же теперь —
Неужто возненавидеть
Все буйство садов осенних?..

О если бы знать,
Какая судьба ожидает
Песни мои —
Объят печальным раздумьем,
Я провожаю зиму...

Меж яблонь цветущих
В отсветах вечерней зари,
Сквозь вешнюю дымку
Бреду себе наугад —
Зачем, куда и откуда?..

Так незаметно
Закат догорел и угас
Над перевалом —
И сразу как будто выцвели
Яркие платья детишек...

Одинокая,
На лугу ночует пичуга,
Не замечая,
Что утренняя поземка
Перья припорошила...

После работы
Одиноко домой возвращаюсь,
Разжигаю огонь...
О, какой печалью пахнуло
От запыленных углей!

Вечерняя мгла
И безмолвие замерших гор...
Лишь там, у вершины,
Остался утес освещенный —
Он ближе всего к небесам!

В ненастный полдень
Неторопливо гуляю
Вдоль берега моря,
Где под осенним дождем
Мокнут на пляже птицы...

Восходит луна
Над одиноким дубом —
В бездонный провал,
В просторы неба ночного
Вглядываюсь из окошка...

Без сожаленья
Вспоминаю о прожитых днях —
Не так ли слива,
Отряхнувшая вешний цвет,
Ожидает спокойно зиму?..

Перевел с японского А. ДОЛИН

Рюси Кавабата. Вечерняя слива.



ЖИВОПИСЬ, ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

Среди множества рек, впадающих в океан мировой культуры, одна из самых своеобразных и полноводных — японская культура. Уже в X—XI веках в Японии сложилась классическая национальная литература; в наши дни мировой театр черпает плодотворные идеи из возникших в средневековье и поныне здравствующих театров «Кабуки» и «Но»; неповторима японская живопись, особенно цветные гравюры на дереве; прикладные изделия народных мастеров, домашняя утварь отличаются удивительной простотой и изяществом, японское понимание красоты (свет и тень, «патина старины», лаконизм, ощущение прелести в обыденном и пр.) проникает во все сферы мировой культуры.

Творчество японского народа многообразно, и, хотя каждому времени свойственно свое, мне кажется, можно выделить по крайней мере две черты, отличающие японское искусство от искусства других народов. Суть одной из них выражена в стихотворении поэта, чье имя, к сожалению, осталось неизвестным:

То, что не высказал я,
Сильнее того, что сказал.

Недосказанность, незавершенность вовлекают зрителя, читателя в сотворчество, усиливают эмоциональное воздействие произведения. В них секрет обаяния японских картин и стихов.

Другая черта — тонкая безыскусность, простота, естественность и того, что выражено пером или кистью, и в том, как это сделано.

Вот исток, вот начало
Всего поэтического искусства —
Песня посадки риса.
(Басё, 1644—1694)

Перед вами образцы современной японской живописи, поэзии, прозы.

Японскую поэзию прославил жанр танка — стихотворений из пяти строк с определенным чередованием слогов (рифмы в японской поэзии нет). В этом древнем жанре пишут и многие современные поэты.

Проза представлена маленькими рассказами писателя-фантаста Хоси Синъити. Возможно, они покажутся вам неожиданными, не совсем «японскими». Но «другое время — другие песни». Японцы с их традиционным культом природы, стремлением к гармонии с «окружающей средой» болезненно переживают последствия «индустриальной гонки». И все чаще прогрессивные писатели, художники, вглядываясь в день сегодняшний, предостерегают: остановитесь, завтра будет уже поздно...

В. СКАЛЬНИК



Хоси СИНЪИТИ

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ФИРМЫ

Господин Н., заведующий отделом по сбыту дорожных сумок для космических путешествий, сидит в кабинете и, склонившись над столом, просматривает бумаги.

Звонит телефон.

— Вас вызывает президент фирмы. Хочет узнать о состоянии дел на вашем участке.

— Хорошо, сейчас иду, — отвечает г-н Н., поднимаясь из-за стола. «Вызов к начальству еще никогда и никому не предвещал особого удовольствия, — думает он. — А с тех пор, как у нас появился этот новый президент... Да ведь никуда не денешься...»

Н. взял папку с докладом и направился к кабинету президента. По дороге он встретил заведующего производственным отделом. Судя по его потерянной физиономии, тот только что оттуда. Перед дверью кабинета Н. остановился, набрал в легкие побольше воздуха и постучал.

— Войдите!

— Вы вызывали меня? — Н. согнулся в приветствии. Когда-то ему было сделано замечание, что он кланяется слишком низко, и на этот раз он старался только слегка наклониться вперед. Но утопавший в большом кресле президент остался недоволен:

— Эй, ниже голову! Корпус вперед на 30 градусов. Я всегда требую наклона туловища ровно на 30 градусов. Войди и поздоровайся еще раз.

— Слушаюсь. Прошу прощения.

Н. вышел и снова вошел, склонился перед президентом в приветственной позе. Тот взирал на него с абсолютной безучастностью. «Хоть бы чуть-чуть человечности! За кого, в самом деле, он принимает своих сотрудников?» — думал Н.

Прежде чем найти требуемую позу — наклон корпуса вперед ровно на 30 градусов, — ему пришлось немало помучиться.

— Во, вот так. И выправку не терять! Слушаю доклад.

— По сравнению с прошлым кварталом в нынешнем было запланировано и реализовано... — Некоторое время президент слушал, но вдруг прервал:

— Стоп-стоп. Ты сейчас сказал 55 процентов. Это правильно?

Н. в замешательстве стал проверять таблицу. Действительно, он ошибся.

— Прошу прощения, 54 процента.

— Такая работа никуда не годится! — Резким голосом президент стал отчитывать заведующего отделом сбыта.

Н. попытался оправдаться:

— Да, я неправильно подсчитал... Но прошу вас не говорить так громко. Дело-то всего в одном проценте...

— Нет! Это ошибка!

— Но ошибиться может любой человек...

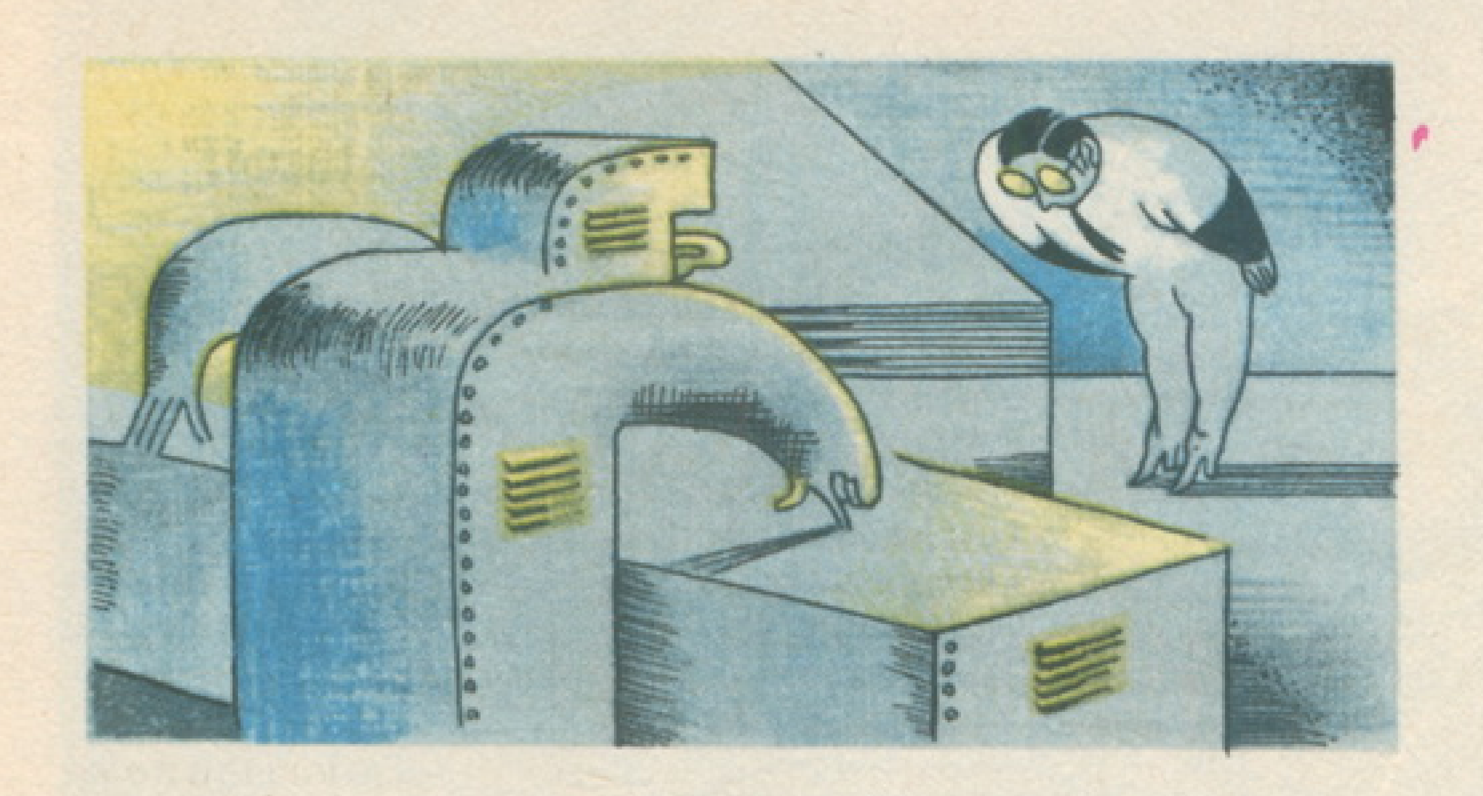
— Неправильно!.. Ты и пять недель назад допустил такую же ошибку. Может, со здоровьем у тебя что-нибудь не в порядке? Иди полечись!

— Слушаюсь.

Н. с особой тщательностью поклонился, постаравшись согнуться ровно на 30 градусов. На этот раз поклон нареканий не вызвал. Последовало замечание по другому поводу.

— В последнее время ты расходуешь слишком много представительских. Отвечай, почему?

Кодзи Мацумура. Цугару. (Сангарский пролив. — Ред.).



...Президент знал абсолютно все, до мелочей. Собственно говоря, именно потому он и стал президентом. Кто выше по должности, должен знать и уметь больше.

— Видите ли... — лепетал в ответ Н. — Чтобы увеличить реализацию... Словом, я приглашаю ответственных лиц из торговых предприятий, угощаю сакэ... Всеми силами стараюсь им угодить. Тогда и разговор вести легче...

— Нет! Этого делать не надо! Деньги следует использовать на улучшение качества товара.

— Вы совершенно правы, однако... Боюсь, вам это трудно будет понять...

— Не болтай чепуху. Я абсолютно прав. Впредь никаких приглашений, угощений. Это приказ. Понял? Вот и хорошо.

— Разрешите идти?

Н. еще раз поклонился, согнувшись ровно на 30 градусов. Вдруг президент опять остановил его.

— Эй, подожди минутку. Простите, но вы не могли бы прочистить мне уши?

— С удовольствием.

— Прошу вас. Все необходимое вот здесь.

Н. принялся исполнять просьбу шефа, но тот остановил его.

— Нет, сначала кожух снимите.

Н. взял отвертку, ослабил зажимы и аккуратно снял пластмассовый кожух. Потом маленькой щеточкой удалил пыль со слухового приемника.

— Ну что? — поинтересовался президент-робот. — Кажется, вышел из строя транзистор. Замените-ка его. Только тихонько.

Н. заглянул в «голову». Она была вся набита чувствительными микроскопических размеров приборами, сохраняющими любую мелочь, единожды введенную в память, навечно.

До чего ж он отвратителен, этот нынешний президент! Н. с грустью вспомнил прежнего — малоприятного, но человека. Ему очень захотелось взять эту «голову» и разбить вдребезги. Но попробуй только сделай это, не дай бог... Ведь робота сделали президентом фирмы по инициативе крупных держателей акций. Так уж заведено: дорогостоящие предметы получают распространение сверху вниз. И так было всегда...

ЗАТОВАРИВАНИЕ

В молодости мне пришлось трудиться на космическом поприще, и, работая в изыскательских отрядах, я повидал немало планет. Всякое было: и радости и опасности... Потом я оставил эту работу и открыл контору «Советы по ведению торговли в космосе». У меня основательный опыт, поднакопился ценнейший материал, в моем научно-исследовательском отделе прекрасные кадры. Так что деятельность нашей конторы быстро завоевала признание в деловом мире. К нам часто обращаются за советами: стоит ли, например, импортировать с такой-то планеты такой-то товар? Уточняют, как следует оформлять договоры, и т. д. Задача нашей конторы — давать соответствующие рекомендации. Не даром, конечно.

Как-то пришел господин Н., владелец предприятия по изготовлению спортивных принадлежностей. На нем лица не было.

— Уж не знаю, что и делать. Пришел к вам посоветоваться. Помогите, бога ради.

— Конечно, конечно, это же наша работа. Так что у вас? Хотя в общих чертах мне, кажется, уже все ясно.

И г-н Н. рассказывает. Я слушаю и поддакиваю.

— Как вы знаете, наша фирма не так давно изобрела новый вид мячей из синтетического материала. С какой бы силой его ни бросить — стекло от удара такого мяча остается целехонько. Все шло прекрасно: мячи хорошо раскупали, построили новые заводы, увеличили производство. Но в настоящее время рынок уже перенасыщен нашим товаром. На складах скопились огромные запасы мячей.

— Да, мода — такая вот штука...

— Вот я и подумал: а не попытаться ли экспортировать наши мячи на какую-нибудь планету?

— Мда-а... Это не такой товар, который можно предложить любому встречному.

— Прошу вас, посоветуйте, гонорар какой скажете...

— Так... Понятно... Видите ли, я предполагал, что дела у вас могут обернуться таким образом, и кое-что предварительно уже сделал.

Мои слова как будто вдохнули жизнь в господина Н.

— Неужели?! Ну это... это просто сон! Как вы меня обрадовали! Так говорите же, что надо делать?

— Сейчас я вам все наглядно объясню.

Звоню в лабораторию: «Принесите мне то самое». Через минуту в комнату внесли ядовитую змею. При виде ее г-н Н. скорчил недовольную гримасу:

— Фу какая гадость. Какой от нее толк?

— Толк будет. Эта разновидность змеи в результате огромных усилий выведена научными сотрудниками нашей лаборатории. Дело в том, что такие змеи очень быстро размножаются, но умертвить их чрезвычайно трудно.

— Но ведь просто жить будет невозможно, если эта мерзость всюду будет ползать.

— Но если такая змея проглотит ваш мяч, она сдохнет от несварения желудка. Это единственный способ истребить гадов.

— Так-так...

— Что и говорить, было бы идеально расселить этих змей по всему земному шару. Но нам несдобровать,



если план раскроется. И тогда родилась мысль тайно переправить этих змей на планету Капон. Сейчас они там, должно быть, жутко расплодились, и жители Капона в панике.

— Вот оно что... Отличный план!

— Стало быть, весь ваш запас мячей надо отправить для спасения жителей Капона. Продавайте как можно дороже. Половина всей прибыли — мой гонорар.

— Конечно, конечно. Огромное спасибо! Великолепный план! Я немедленно начинаю действовать.

Прошло какое-то время, он вернулся на Землю и сразу пришел ко мне в офис.

— Не знаю, как и благодарить вас. Все прошло просто идеально. Удалось сбыть все мячи до одного, и по самой высокой цене.

— Что ж, прекрасно! Все вышло, как я и предполагал.

— Более того, я получил дополнительный заказ на мячи. И принимали меня везде как бога-спасителя. Поверите, я никогда не чувствовал себя таким счастливым.

Приятно было видеть его таким довольным и, конечно же, не менее приятно было получить деньги.

— А когда я собирался на Землю, — продолжал мой клиент, — капотяне дали мне на прощание вот эту колбочку. Интересовались, будет ли этот их товар пользоваться спросом на Земле. — И Н. передал мне склянку, в которой помещался какой-то белый порошок.

— Что это такое?.. Я хотел бы оставить у себя эту склянку; у меня в лаборатории изучат и определят, что это такое.

— Да, пожалуйста.

Дни шли своим чередом. Я по-прежнему вырабатывал для своих клиентов тактику, давал рекомендации, получал гонорары. А тем временем на Земле разразилось какое-то бедствие — неудержимо стали размножаться странные блохи. Никакими препаратами невозможно было их вывести. Нашей конторе тоже пришлось энергично заняться этим вопросом. Смертельной опасности невиданные блохи не представляли, но укушенное место зудило так, что терпеть не было никаких сил. Стало просто невозможно ничем заниматься: надвигалась катастрофа.

И вот однажды случайно я рассыпал порошок — тот самый белый порошок, завезенный к нам с планеты Капон. И в этом месте все блохи моментально вымерли. Это изумило меня, я совсем не ожидал такого эффекта. А ведь в лаборатории никак не могли определить назначение этого вещества!

Можно, конечно, считать: случайное совпадение. И все-таки я никак не могу избавиться от мысли, что этих блох капотяне переправили к нам на Землю с помощью г-на Н. Блохи акклиматизировались и стали размножаться с неимоверной быстротой. Наверняка на Капоне накопились огромные запасы порошка, и капотяне не знали, что с ним делать.

Вселенная огромна, и где-нибудь обязательно найдется некто, чей ход мысли совпадает с твоим.

ДАЛЕКО ИДУЩИЕ ПЛАНЫ

Госпожа Ф. получила по почте письмо. Распечатав конверт, она с удивлением обнаружила в нем красивый проспект с цветной фотографией невиданного замысловатого прибора. Под фотографией была подпись: «Универсальный автоматический воспитатель».

Из проспекта-инструкции г-жа Ф. поняла, что этот автомат может освободить ее от множества забот, а пользоваться им очень просто. Здесь надо заметить, что у госпожи Ф. действительно недавно родился ребенок. Но как об этом могла узнать фирма?

— Какая удобная вещь! Только ведь наверняка стоит страшно дорого.

Вечером она показала проспект мужу. Г-н Ф. внимательно с ним ознакомился, но, не найдя упоминания о цене, предложил:

— Давай пошлем запрос в фирму, это ведь ничего не стоит. А вдруг этот автоматический воспитатель продается в рассрочку? Тогда не так уж трудно будет купить.

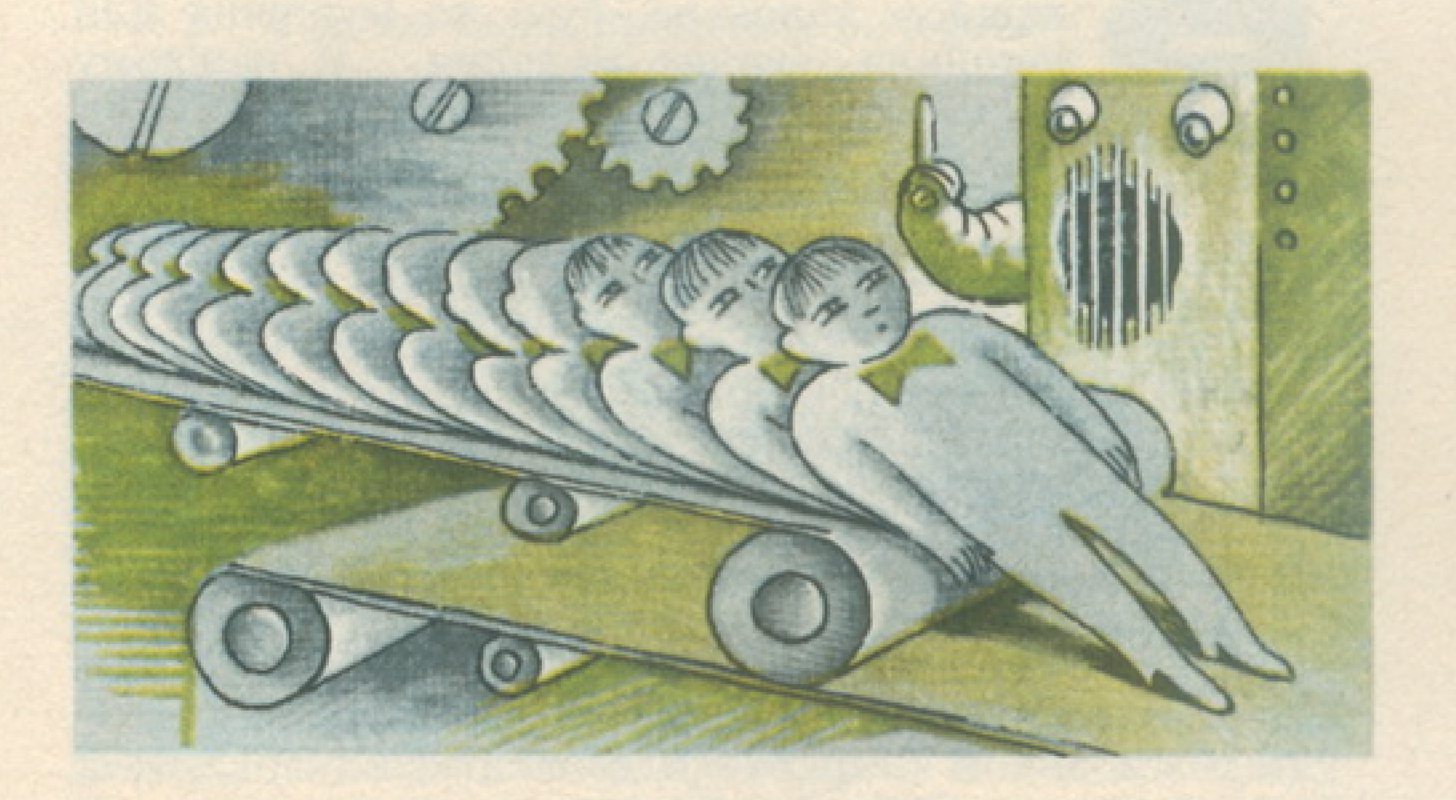
Так и сделали. Супруги написали в фирму, что хотят узнать подробности. Ждать пришлось недолго. Но в ответ пришло не письмо, а сам автомат. Да к тому же бесплатно!

Обрадованная г-жа Ф. не могла, однако, сдержать удивления:

— Такую сложную штуку прислали бесплатно... Даже не верится. Может, тут что-то не так? Да нет, обмана быть не может: фирма крупная, известная.

— А может, государство стало давать дотации на производство этих автовоспитателей? Ну ладно, давай попробуем испытать его в деле, — предложил муж. — Если увидим, что-то не так, можем вернуть.

С большими предосторожностями супруги начали пользоваться универсальным автовоспитателем. Автомат работал безупречно. Всего-то заботы — поставить прибор около ребенка. А уж он и молоко подогреет, и напоит малыша, и вовремя пеленки сменит. Если дитя заплачет,



успокоит его. Перед сном нежным голосом споет колыбельную.

...Ребенок рос. Автовоспитатель обучал его говорить, рассказывал сказки. Про зайчиков, черепах, про Белоснежку. Вредных мыслей не внушал.

Довольные супруги Ф. полностью доверили воспитание ребенка этой умной машине. К тому же они увидели, что и в других семьях — да практически все — пользуются автовоспитателями.

«Делай то-то и то-то», «Этого делать не следует», — внушал мягким голосом автомат, приучая ребенка к дисциплине. Когда он не слушался, проказничал, воспитатель протягивал свою автоматическую руку и небольно шлепал по мягкому месту. Короче говоря, прибор был идеальным воспитателем.

Правда, наблюдался за ним один недостаток: автовоспитатель лишал детей индивидуальности. Но, как вы думаете, кто предпочтительнее: заурядная стандартная личность или одаренный самобытный злодей? Короче говоря, с этим недостатком мирились.

Вот так и рос ребенок у супругов Ф., так росли дети в других семьях. Прошло двадцать лет. Воспитанники автомата стали самостоятельными людьми. Общество приняло их, их охотно приглашали на работу. Все шло как обычно. Вот только по телевидению все чаще звучала такая фраза: «Покупайте такой-то товар нашей фирмы. Товар другой марки покупать не следует». В самой фразе ничего примечательного не было, но вот голос.... Это был голос автовоспитателя, гораздо более убеждающий, чем родительский, глубоко запечатленный в сердце, родной, близкий голос. И новое поколение, конечно же, подчинялось ему беспрекословно.

Перевел с японского В. СКАЛЬНИК

Рис. С. ТЮНИНА

КАК Я ПИШУ ПЕСНИ



Доналд БАРТЕЛМ,
американский писатель

В каждом человеке, будь то мужчина или женщина, звучит мелодия. И каждому человеку, будь то мужчина или женщина, свойствен собственный ритм. Поэтому для человека нет ничего естественнее, чем писание песен. Я вовсе не хочу сказать, что писать песни просто: эта работа все-таки требует некоторого усердия. Универсальной методики создания песен пока, к сожалению, не существует, и приемы, которыми я пользуюсь в собственном творчестве и которыми я собираюсь поделиться с вами, не исчерпывают, разумеется, всех возможных путей. Тем не менее, пользуясь этими приемами, вы можете добиться успеха. Как, к примеру, я.

Здесь я буду говорить пока исключительно о текстах, музыка требует отдельного разговора.

Первым делом старайтесь добиваться того, чтобы **в вашей песне дышала сама жизнь, иными словами**, пишите о вещах всем известных. Поверьте моему опыту, любая мелочь, на которую вроде бы и внимания обращать не стоит, может лечь в основу будущей песни.

Также необходимо **держать нос по ветру и быть в курсе** хотя бы наиболее распространенных в данный момент песенных жанров.

Что я имею в виду? Лучше всего объяснить на примере: расскажу о том, как родились мои самые популярные песни «Руделль», «Прошлым вечером», «Собачий блюз» и так далее, как возникала сама идея создания той или иной песни, при каких обстоятельствах это происходило, в общем раскрою свою кухню. А, поняв кухню, вы — я ничуть не сомневаюсь — начнете сочинять сами, и ничуть не хуже других. Главное, помните: **писать, писать и еще раз писать.** И еще: не забывайте следить за работой тех, кто раньше вас начал распахивать это поле и уже весьма преуспел.

Итак, «Руделль». Я сидел за столом с карандашом в одной руке и блокнотом в другой. Две вещи не давали мне покоя. Во-первых, извещение энергетической компании: «Ваш чек на сумму 75 долларов 60 центов, пересланный нами в банк, возвращен неоплаченным...» Я думаю, вы представляете себе, как сей факт может удручать человека... Во-вторых, на уровне моего пупка болталась белая ниточка, служившая напоминанием о том, что в процессе сидячей работы мне необходимо то и дело втягивать живот, чтобы тренировать мышцы брюшного пресса; вот какой дорогой ценой приходится платить за сидячую работу поэта! В общем, вы понимаете, как меня раздражали эти обстоятельства, и тогда я решил написать песню под настроение, в духе «я чуть не свихнулся».

Я раскрыл блокнот и написал:

Когда я потерял мою крошку,
Я чуть не свихнулся.

А что, вполне пристойное начало для меланхолической песни! Хотя и не исключено, что кто-то давным-давно написал уже что-то подобное и даже эти самые строчки... Между прочим, рекомендую всегда начинать с традиционной или хорошо известной строки, чтобы, так сказать, настроиться. Когда песня будет написана, можно отрезать начало, если вам так уж важно сохранить индивидуальность. Все песни соединяют в себе старые и новые элементы. Я хочу сказать, что опора на традицию в нашем деле — все, а вот уж дальше можете вкладывать ваш собственный опыт и новизну подхода.

Да, кстати, приведенные выше строчки могли показаться вам несколько банальными, однако не надо забывать, что мы имеем дело пока лишь с одним компонентом песни — со словами, а ведь есть еще музыка, есть еще манера исполнения, которая придаст затасканным словам свежесть и неповторимый аромат. Скажем, исполнитель блюзов может подать первое слово так, будто оно застряло у него в горле, а «крошку» растянуть на три слога: «кроу-оу-шка»! Так что имейте в виду: то, что на листке бумаги кажется пустячным и затертым, в устах умелого исполнителя заиграет тысячью красок.

Я писал дальше:

Когда я потерял мою крошку,
Я чуть не свихнулся.
Когда я потерял мою крошку,
Я чуть не свихнулся.
Когда я вновь обрел мою крошку,
Я солнцу улыбнулся.

Как вы могли заметить, я все же сохранил традиционное начало. Дело в том, что оно показалось мне настолько традиционным, что я счел неразумным отказываться от него. Затем я сообщил кое-

какие подробности о своей героине, пояснил, так сказать, что это за женщина, ну вот, а в 1976 году моя «Руделль» получила «Золотой приз».

Раз уж мы заговорили о традиционном начале в песнях, вот вам еще одна деталь: смелее внедряйте в текст выразительные обороты, которые у всех на языке, например, такой: «Бог не выдаст, свинья не съест». Я использовал этот оборот в своей песне «Мы будет вместе»:

Мы будем вместе,
Мы будем вместе,
Если бог не выдаст
и свинья не съест.

Ходячие выражения хорошо передают своеобразие разговорной речи, легко запоминаются и, кроме того, придают песням необходимую пикантность. Это, конечно, абсолютно понятно?

А не то можно ввернуть в песенку эдакую игривость:

Обнажил я свою душу перед
кассиршей в банке.
Слышу: ни к чему она мне, парень,
ни к чему она мне.
Обнажил я свою душу перед
барменшей за стойкой.
Слышу: ни к чему она мне, парень,
когда столько вина.

Надеюсь, вы обратили внимание, с какой ритмической свободой сделана эта вещица? Не правда ли, есть где развернуться исполнителю?



Рис. С. ТЮНИНА

О МУЗЫКЕ – И НЕ ТОЛЬКО

Другим жанром, пользующимся неизменным успехом, можно считать песню, в которой заложена какая-то мысль, нечто такое, что человеку запомнится и над чем он захочет поразмыслить на досуге. Песен, принадлежащих к указанной категории, немало, и с каждым днем их становится все больше. Предлагаю вашему вниманию следующий образчик:

Как пишется «истина»? Л-ю-б-о-в-ь,
вот как пишется «истина».
Как пишется «любовь»? И-с-т-и-н-а,
вот как пишется «любовь».
Где ты была прошлым вечером?
Где ты была прошлым вечером?

Когда «Прошлым вечером» записывалась на студии, звукорежиссер сказал: «Ну, это верняк». И точно, песня вошла в репертуар шестнадцати певцов.

Если вы находитесь в творческом простое, советую вам наладить песню типа «Я всего-навсего сверчок». Моменты простоя случаются в жизни всякого автора, впрочем, как и в жизни представителя любой профессии. Тут в самый раз и попробовать себя в указанном жанре. Только запомните: лучше всего здесь подойдет тяжелый ритм —

Да-да-да-да-дà,
Бум-бум!

То есть одни инструменты должны вести партию: да-да-да-да-да (с сильным акцентом в конце), а другие откликаются на это: бум-бум! Вот вам для примера одна из моих песен:

Я всего-навсего сверчок.
Да-да-да-да-дà,
Бум-бум.
Всего-навсего сверчок
Да-да-да-да-дà,
Бум-бум.
Сверчок, не более того.
Да-да-да-да-дà,
Бум-бум.
Я старый сверчок.
Да-да-да-да-дà,
Бум-бум.
Сверчок — всегда молчок.
Да-да-да-да-дà,
Бум-бум.

И так далее 23 раза. Кончить лучше всего чем-то глубокомысленным, чтобы была видна глубина вашей мысли:

Как родился сверчком.
Да-да-да-да-дà,
Бум-бум.
Так и помру сверчком.
Да-да-да-да-дà,
Бум-бум.

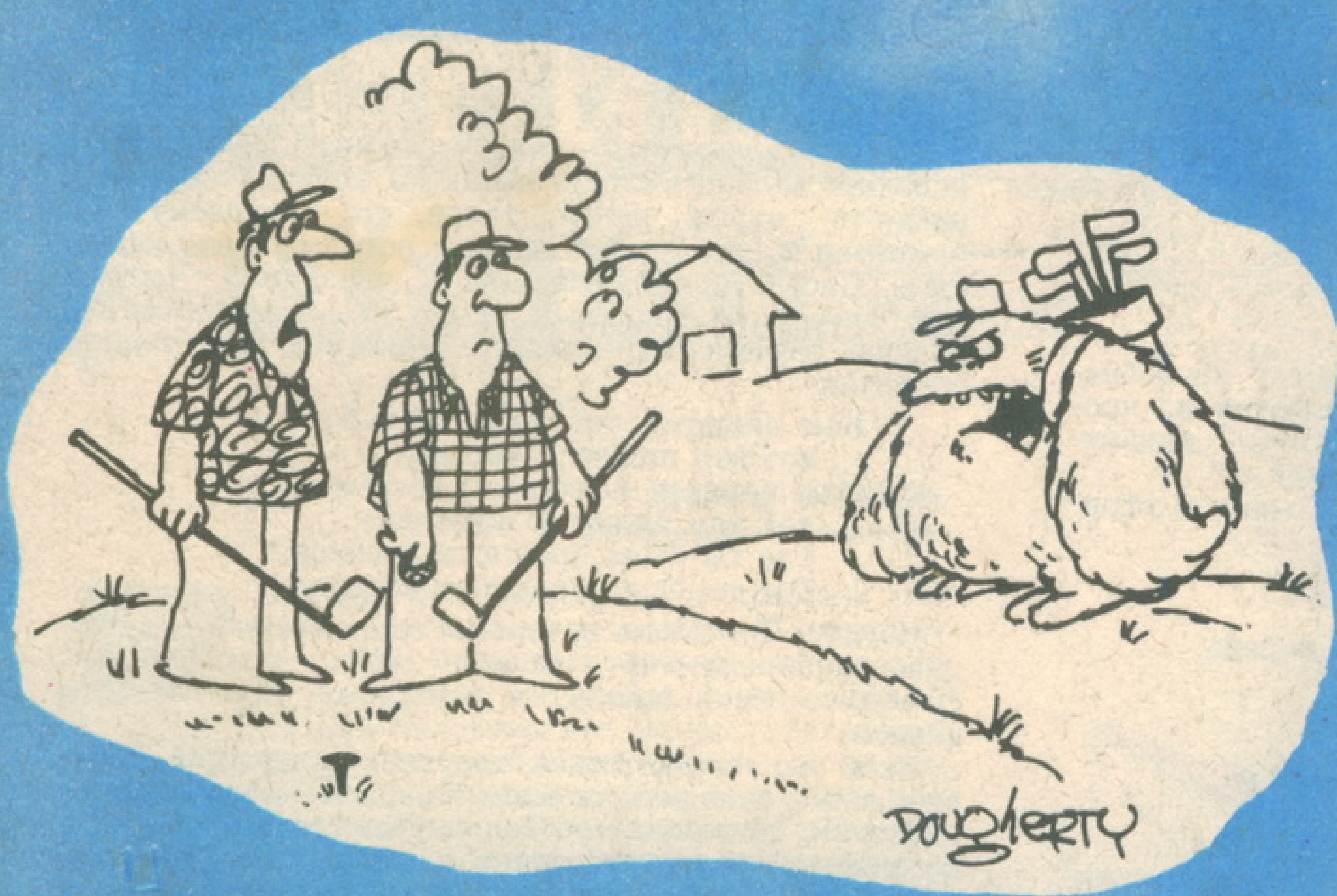
Надеюсь, теперь вам понятно, как делаются песни? Хотелось бы думать, что эти краткие заметки дадут необходимый толчок вашему вдохновению. И еще: со стороны наш песенный цех может показаться замкнутым кругом, в который человеку непосвященному не пробиться. Уверяю вас, это не так. Главное, держитесь стойко и верьте в себя, что бы там вокруг ни говорили. И вы преуспеете. Обязательно. Напоследок хочу заверить вас, что буду и впредь писать песни на благо всем.

Перевел с английского Сергей ТАСК

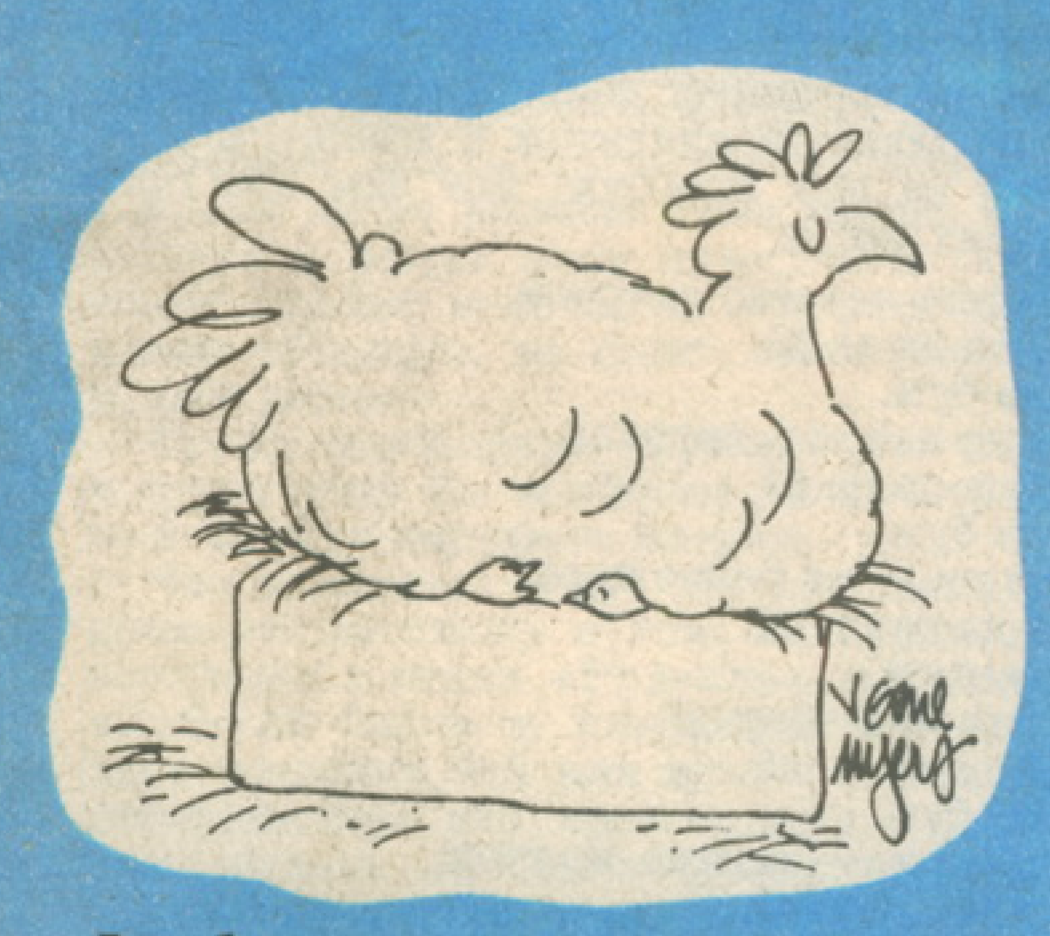
Индекс 70781
Цена 25 коп.

3-58-40

Чтобы посмеяться над собой, люди со времен Эзопа обращались к образам животных. Как видите, и карикатуристы из американского журнала «Сатердей ревью», подмечая в жизни какие-то смешные черты, забавные человеческие слабости, вновь и вновь прибегают к этому испытанному приему...



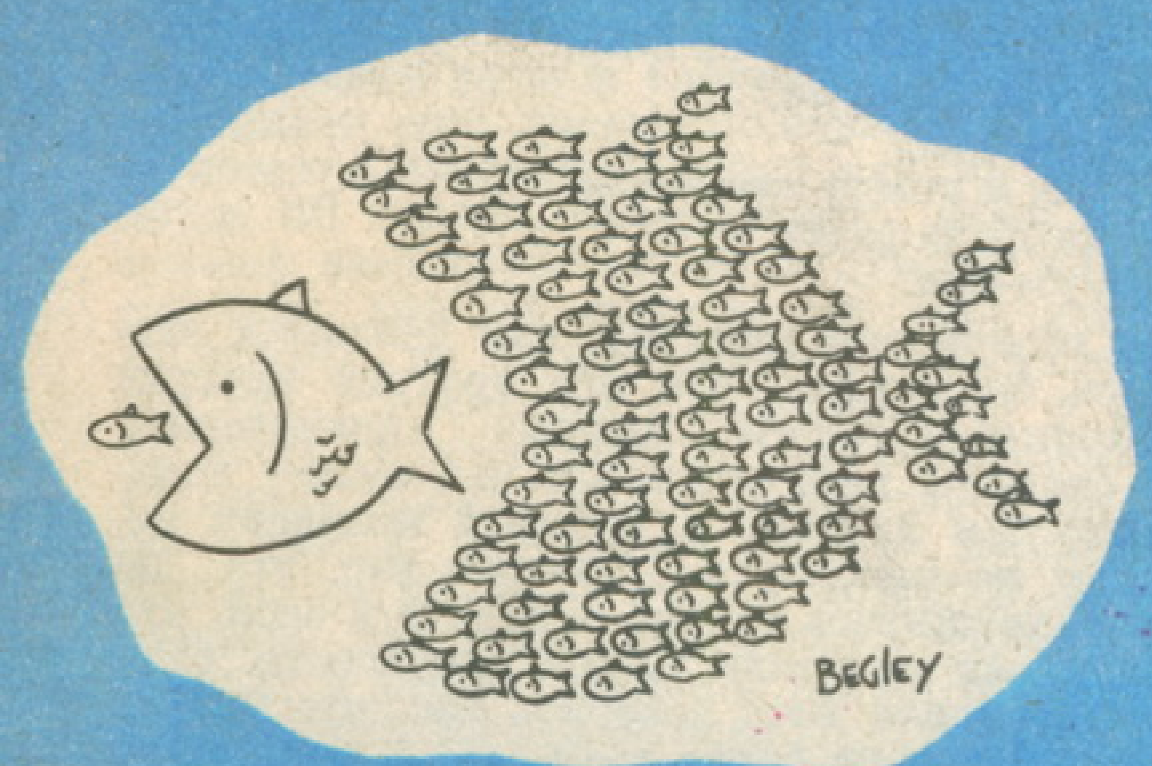
Бог с ним, Гарри. Пусть себе играет...



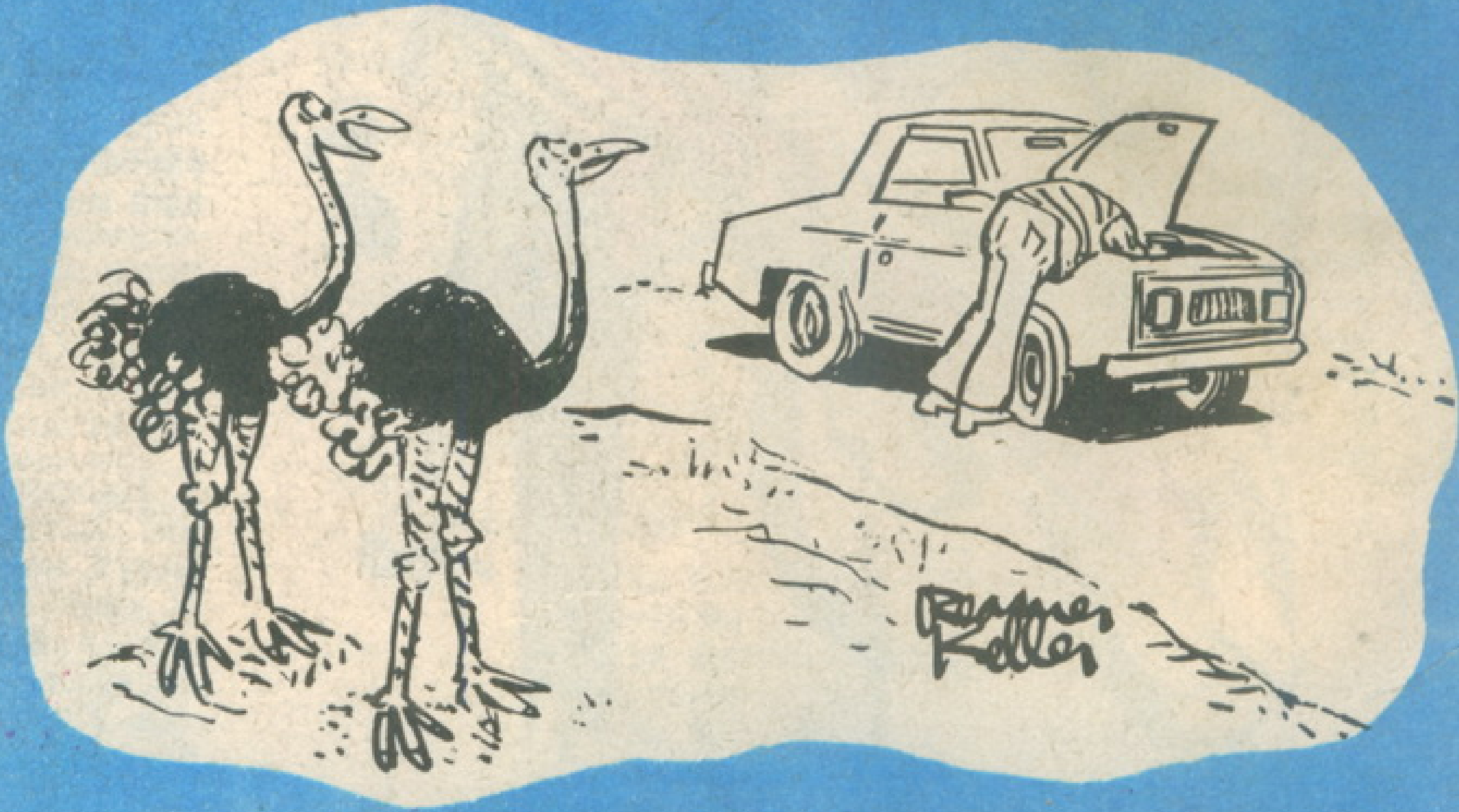
Еще бы скорлупе не лопнуть. На нас кто-то сидит.



Не смей погружаться, когда я с тобой разговариваю!



Без слов



Никогда не мог понять, зачем они зарывают головы в эти штуки...